

Александр Харников

ДУНАЙСКИЕ ВОЛНЫ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Александр Петрович Харников
Дунайские волны
Серия «Военная фантастика (АСТ)»
Серия «Русские своих
не бросают», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43618680
Русские своих не бросают. Дунайские волны: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-117647-1

Аннотация

В августе 1854 года в Балтийском море появился англо-французский флот с десантом на борту и атаковал русскую крепость Бомарзунд, на Аландских островах. Тогда же в охваченную войной Балтику непонятно как угодили несколько боевых кораблей Российской Федерации. Русские моряки пришли на помощь своим предкам. Враг потерпел полное поражение.

Но смертельная опасность грозила Севастополю – главной базе русского Черноморского флота. «Попаданцы» отправились на Черное море и там спасли город русской морской славы от осады, а Черноморский флот – от гибели. Но враг еще не сложил оружие, и основные боевые действия должны развернуться на Дунае

и территориях, прилежащих к этой величайшей реке Европы. Продолжается и тайная война, порой не менее кровопролитная, чем обычная.

Содержание

Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Александр Харников

Русские своих не бросают.

Дунайские волны

© Александр Харников, 2019

© Максим Дынин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

*** * ***

*Авторы благодарят за помощь и поддержку
Олега Васильевича Ильина*

Пролог

1 (15) октября¹ 1854 года. Царское Село, Екатерининский дворец. Танцевальный зал

Капитан медицинской службы Гвардейского Флотского экипажа Синицына Елена Викторовна

Танцевальный зал Екатерининского дворца всегда был моим самым любимым из всех роскошных покоев двух императриц – Елизаветы Петровны и Екатерины Великой. Ажурные золотые плетения по стенам, фальшивые зеркальные окна-обманки, в которых отражаются и зал, и галерея, создавая иллюзию бесконечного пространства, а на противоположных им стенах – окна настоящие, большие, в два яруса; великолепный паркет. Но сейчас, когда в зеркалах отражались многочисленные свечи, а золотые узоры пылали в свете искусно размещенных бра, я впервые увидела его во всем его неземном великолепии. Конечно, я старалась из-за всех сил соответствовать: на мне красовалось новое, специально пошитое платье, а на нем – красный бант и орденский знак Святой Екатерины. Хоть мне и привычнее зеленый врачебный халат или форма военного медика, но каждой женщине хочется хоть иногда, но покрасоваться. И то, что я увидела в одном из ростовых зеркал зала, даже мне понравилось. Да-

¹ Даты в пределах Российской империи даны по юлианскому и григорианскому календарю. Даты вне ее пределов – только по григорианскому.

же посмею утверждать, что я была просто неотразима. Хотя для кого она, эта неотразимость? Муж мой и детки остались там, в далеком будущем, откуда наш «Смольный», а также несколько других кораблей, в недавний июньский день были в одночасье перенесены в 1854 год, и личная жизнь моя оборвалась – как я полагаю, навсегда.

Но именно нашей эскадре суждено было разгромить англо-французский флот на Балтике. Именно с нашей помощью захватчиков вышвырнули из Крыма. И теперь осталось лишь главное – закончить эту войну так, чтобы заставить врага надолго забыть дорогу к нашим берегам, после чего нас ждет следующая задача – сделать все, чтобы Россия стала самой передовой и сильной державой нашего – да, теперь уже нашего – времени. И основание Елагиноостровского университета – «начало большого пути».

Мой кавалер на сегодняшний вечер бережно усадил меня на место за императорским столом, на котором стояла табличка «капитан Синицына», и только потом сам сел напротив меня. Это был единственный гость, который не принадлежал ни к эскадре, ни к императорской семье, но который был одним из немногих, кто оказался посвящен во все наши секреты.

Высокий, с лихими кавалерийскими усами и буйными седеющими кудрями, это был не кто иной, как герой войны 1812 года, друг Пушкина и Карла Брюллова, храбрый полководец и блестящий дипломат, генерал от кавалерии Ва-

сий Алексей Перовский, недавно назначенный министром иностранных дел Российской империи.

Мы с Василием Алексеевичем познакомились случайно – по настоятельной просьбе его заместителя, главы Службы безопасности эскадры Березина, он прибыл на обследование в Елагиноостровскую клинику. Ведь умер он в нашей истории в 1857 году от сердечной недостаточности. Как со всеми пациентами мужского пола из этого времени, обследовали его врачи-мужчины. Но когда я проходила мимо, меня звали в кабинет и представили новому министру. Оказалось впоследствии, что мы с ним в некоторой мере земляки – родилась я в столичном микрорайоне Перово, в «хрущобе» на Перовской улице, тогда как Василий Алексеевич получил свою фамилию в честь имения Перово, принадлежавшего его отцу, графу Алексею Разумовскому; на его месте и возник наш микрорайон. Василий Алексеевич был холост, и мы незаметно подружились – без намека на какую-либо романтику, что меня вполне устраивало. И сегодня именно он «вывел меня в свет».

Рядом со мной сидел адмирал Дмитрий Николаевич Кольцов, командир нашей эскадры, пардон, Особой эскадры Гвардейского Флотского экипажа, а напротив – его заместитель, капитан 1-го ранга Олег Дмитриевич Степаненко. В XXI веке я была весьма дружна с Олегом Дмитриевичем и с его супругой, и мне было очень его жаль – его жена тоже осталась в будущем, и, хоть он этого старался не показывать,

в его глазах с тех пор затаилась неизбывная грусть.

Далее пустовало четыре стула. В конце стола располагались полковник Березин, глава Службы безопасности Эскадры, и подполковник Васильев, его заместитель. Первый из них одновременно являлся заместителем Василия Андреевича, а второй занимался реформированием местной жандармерии.

За другими столами, накрытыми в основном в галерее, сидели многочисленные курсанты и немногие пока еще доценты.

На сцене у дальней стены расположился сводный оркестр Эскадры, собранный «с миру по нитке» из моряков и курсантов, прибывших сюда из далекого 2015 года. Кто-то вдруг дал отмашку, оркестр заиграл гимн Российской империи «Боже, царя храни», и мы встали. Через галерею проходили хозяева этого прекрасного дворца – император Николай Павлович вел под руку супругу и мою пациентку, императрицу Александру Федоровну, а великая княгиня Елена Павловна чинно шествовала под руку с профессором Владимиром Михайловичем Слонским, ректором нашего нового университета.

Когда царь с царицей, великая княгиня и профессор заняли свои места – император при этом оказался от меня по правую руку, – оркестр заиграл неофициальный гимн Эскадры «Прощание славянки».

«Да, – подумала я, – сколько наших ребят сейчас там, на

юге, в Крыму, в Одессе, либо на судах, проходящих по Березинскому водному пути. Ник Домбровский, Саша Николаев, Юра Черников, Саша Сан-Хуан... Да и из тех, кто здесь, на Балтике, далеко не все смогли приехать на этот праздник – кто в Свеаборге, кто в Бомарзунде, кто в Риге».

После шампанского – пили мы «Абрау-Дюрсо» из неприкосновенного запаса на борту «Королева» – с торжественной речью ко всем собравшимся обратился сам император. Начал он свою речь с привычных для этих времен приветствий, а затем продолжил:

– Мы знаем, как все наши старания мирным путем добиться справедливого решения ситуации на Святой земле неожиданно послужили поводом для Османской империи, Соединенного королевства и Французской империи начать войну против нас. Их политику поддержала и Австрийская империя, которую мы недавно спасли от мятежа венгров, и Сардинское королевство. Ни одна страна не пришла к нам на помощь, и никто даже не поднял голос в нашу защиту. Прав был мой внук, сказавший в вашей истории: «У России есть только два союзника – ее армия и флот».

И когда на Черном море, на Балтике, на Тихом океане и на Белом море появились сильные англо-французские эскадры, а тысячи солдат готовы были высадиться на нашей земле, Господь внял нашим молитвам и прислал на помощь наших потомков – вас, дамы и господа.

Да, вы не были моими подданными, вы были гражданами

другой России. Но именно вы спасли нашу державу сначала на Балтике, а потом и в Крыму. Именно с вашей помощью, если это будет угодно Господу нашему Иисусу Христу, мы сможем окончательно разгромить неприятеля и принести нашему многострадальному Отечеству столь желанный мир.

Но как сказал профессор Владимир Михайлович Слонский: «Недостаточно выиграть войну – нужно преобразовать сегодняшнюю Россию, развить нашу промышленность, отменить крепостное право, ввести всеобщее образование, принести процветание каждой российской семье». Конечно, создание нового университета – это только первый шаг на этом тернистом пути. Но мы верим, что с Господней помощью Владимиру Михайловичу и всем нам удастся дойти до заветной цели.

Профессор Слонский поклонился августейшей чете и заговорил:

– Ваши императорские величества, ваше императорское высочество (тут он склонил голову перед своей визави, которая тепло ему улыбнулась), дамы и господа! С сегодняшнего дня Елагиноостровский Императорский университет начинает свою работу.

Первый семестр послужит большей частью лишь для становления нашего нового учебного заведения. Необходимо не только оборудовать помещения, лаборатории, общежития, но и составить программы, по которым наш университет будет работать, и подготовить преподавательский состав; мно-

гие из будущих доцентов – сегодняшние старшекурсники. Уже сейчас те из них, кому оставалось совсем немного до получения диплома в XXI веке, занимаются по ускоренным программам, чтобы сдать соответствующие экзамены в июне будущего года. Ведь практически все подали прошение, чтобы им разрешили поучаствовать в боевых действиях либо в обеспечении наших операций на юге. А многие уже находятся там, и возвратятся в Петербург только после нашей победы. Дай Боже, чтобы они вернулись все, целые и невредимые.

Для тех, кто пока еще здесь, либо чье прошение было отклонено, действуют языковые курсы, а также курсы подготовки младшего медицинского персонала, которыми руководит декан медицинского факультета, капитан медицинской службы Гвардейского Флотского экипажа Елена Викторовна Синицына. Со следующей недели мы займемся еще одной первоочередной задачей – начнут работать курсы подготовки учителей, которые будут стажироваться в новой Елагино-островской школе, где будут заниматься и спасенные нами британские юнги, и российские дети всех сословий.

Одновременно, уже в этом месяце мы создадим Научный совет, к участию в котором мы намерены привлечь многих известных российских и зарубежных ученых, и Промышленный совет – с участием крупнейших предпринимателей Российской империи. Сам же университет откроется для всех категорий курсантов в следующем семестре – ориентировочно в конце февраля. А в начале лета будет проведен набор

новых студентов для следующего года. Именно тогда Елагиноостровский Императорский университет превратится в полноценное учебное заведение.

Кроме того, мы организуем экспертные группы политологов, экономистов и военных: они будут участвовать в реформах, которые так необходимы нашей с вами Родине.

Но это все впереди. А пока давайте отпразднуем официальное открытие нашего с вами будущего дома!

«Да, – подумала я, – нелегкая это работа – из болота тащить бегемота... Если многие ребята из Службы безопасности могут послужить и политологами, то человек с полноценным экономическим образованием и опытом работы у нас ровно один – Ник Домбровский, который здесь занимается всем чем угодно, только не экономикой. Он теперь и журналист, и снайпер. Так как у него есть опыт работы в банке, я предложила его кандидатуру для реформы банковской системы – то-то он обрадуется, когда вернется с войны... Конечно, кое-какие знания по экономике есть и у некоторых курсантов, но на уровне «спрос и предложение», не более того...

Вот с медициной у нас будет лучше – Елагиноостровская клиника уже действует, хотя многие наши врачи, теперешние и будущие, находятся кто в Крыму, кто в Одессе, а вскоре, если Бог даст, окажутся на территориях, до того принадлежащих Турции. Да и немало тех, кто проходит наши ускоренные курсы, вот-вот отправятся на юг, кто в составе

Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, кто просто медсестрой либо медбротом...»

От моих глубокомысленных размышлений меня отвлек Василий Андреевич, сказав с улыбкой:

– Елена Викторовна, отвлекитесь от дум ваших, пора отдать должное искусству дворцовых поваров!

Ужин был приготовлен по рецептам ХХІ века. Должна признать, что многое – тот же салат оливье – было намного вкуснее, чем у нас в будущем, все-таки качество продуктов в ХІХ веке не сравнить. Вина были тоже «нашими», инкерманскими, из «закромов Родины» – из запасов, которые мы везли в подарок венесуэльским друзьям. Кстати, вина Василию Андреевичу не очень понравились – здесь сейчас в моде более сладкие вина, а инкерманские практически сплошь сухие.

А потом были танцы. Дискотеку мы решили не устраивать – не поймут-с, тем более у нас бал, а не хрен знает что. А еще несколько дней назад императрица попросила у меня разрешения потанцевать – ведь совсем недавно она жестоко страдала от туберкулеза. Но теперь болезнь была позади, дыхание ее восстановилось, здоровье резко улучшилось, да и обстановка была намного менее формальной, чем императорский бал... Подумав, я разрешила ей сделать два круга вальса.

Заиграл «Севастопольский вальс» – после нашей победы в Крыму ставший хитом сезона. Танец начала импера-

торская чета, потом к ним присоединилась великая княгиня с Владимиром Михайловичем, и, наконец, остальные пары. Меня поразило, как красиво и элегантно танцевал профессор Слонский – а ему далеко за семьдесят! Впрочем, и Василий Алексеевич вел меня так, что я чувствовала себя королевой бала – но краем глаза внимательно следила за моей пациенткой. Впрочем, никаких особых причин для беспокойства я не обнаружила.

Потом, по моей просьбе, Александра Федоровна пропустила несколько танцев. Тем более, они ей были незнакомы. Смотрела она на танцующих с восхищением, а потом попросила меня, забавно грассируя:

– Елена Викторовна, прошу вас научить этим танцам и меня! Конечно, не все из них можно исполнять публично, но выглядят они очень красиво.

– Конечно, ваше императорское величество, – улыбнулась я, лихорадочно соображая, кто из наших девочек сможет ее этому научить. Да и кто будет учить императора – не будет же императрица танцевать одна.

После того как мы смогли излечили царицу от туберкулеза, между ней и мною сложились весьма теплые и доверительные отношения – настолько, насколько этикет XIX века это позволял. Кстати, я уже воспользовалась этим – по моей просьбе Александра Федоровна пусть с трудом, но смогла получить согласие императора пройти медицинское обследование «сразу после победы». В нашей истории он умер в

1855 году, и, хоть официальной причиной смерти называли воспаление легких, вполне возможно, что сыграли роль старые травмы либо болезни, которые никто не диагностировал. А чем больше я знакома с царем и царицей, тем больше мне хочется, поелику возможно, продлить их жизнь.

Оркестр заиграл еще один вальс, доселе неизвестный здешней публике. И император вновь подал руку супруге, приглашая ее на танец. Исполняли «Дунайские волны», в честь последнего рубежа, отделявшего нас от неприятеля. Дай-то Бог, чтобы все у нас получилось!

*2 (16) октября 1854 года. Петербург, Зимний дворец
Генерал-майор Гвардейского Флотского экипажа Березин
Андрей Борисович, советник Министерства иностранных
дел Российской империи*

Вчера мы праздновали и танцевали на балу в Царском Селе. А на сегодняшнее утро император Николай Павлович пригласил меня и генерал-адъютанта Перовского в свой кабинет для откровенной беседы о внешней политике Российской империи, которую (политику, а не империю) предшественник Василия Алексеевича граф Нессельроде завел в тупик. Закончилось все Крымской войной, в которой у России не осталось союзников в Европе.

Император считал, что такого больше повториться не должно. Но для того, чтобы определить дальнейшее направление российской внешней политики, следовало бы разо-

браться, какие ошибки совершил предшественник генерала Перовского. И из-за чего, собственно, началась эта проклятая Крымская война. Император попросил меня подготовить небольшой доклад о том, что именно толкнуло британцев и французов на объявление войны России. Тему «святых мест» в Иерусалиме Николай Павлович предложил оставить за скобками. Все политики были людьми достаточно циничными и прекрасно понимали, что споры православных и католиков по поводу Храма Гроба Господня и ключей от этого храма вряд ли стали тем самым «казусом белли», после которого вооруженное противостояние между Францией и Россией стало неизбежным. Равно как и обиды Наполеона III и королевы Виктории хоть и сыграли определенную роль, но вряд ли это было бы достаточным в отсутствие более весомых факторов.

Я посадил ребят из Службы безопасности порыться в книгах, электронных и бумажных, и они подготовили мне достаточно толковый доклад. Его мне осталось лишь пересказать своими словами – более подробно все излагалось в письменном варианте, который я потом вручу и императору, и Перовскому.

– Ваше императорское величество, – начал я, – основная ошибка канцлера Нессельроде заключалась в том, что он считал тот расклад сил, который сложился в Европе после Венского конгресса, незыблемым и ожидал, что все государства будут соблюдать сложившийся в 1815 году миропо-

рядок. То же самое касалось и Священного союза, который оказался непрочным из-за appetитов Австрии на Балканах. Пруссия же не простила России поддержку Австрии в борьбе между Берлином и Веной за влияние в Германии.

– К сожалению, все было именно так, – кивнул император, – я убедился, что своекорыстные интересы оказались выше торжественных обещаний, которые дали друг другу европейские монархи после победы над Наполеоном.

– Ваше императорское величество, – сказал генерал-адъютант Перовский, – я вижу во всем произошедшем злокозненную роль Британии, которая издавна стравливала между собой народы, чтобы на их взаимной вражде заработать побольше денег. Это нация торгашей, которым чуждо рыцарство и чувство благодарности.

– И с Британией не все так просто, Василий Алексеевич, – мне не хотелось рассказывать своим собеседникам про азы политэкономии, но похоже, все же придется это сделать, дабы они поняли, что в этом мире многие вопросы решают не только монархи, но и те, кто обладает огромными состояниями.

– Как говорят в народе – хлеб всему голова. Торговля зерном на юге России шла через Одессу. И если в конце прошлого века Россия экспортировала в среднем 0,84 миллиона гектолитров зерна...

Император вопросительно посмотрел на меня, и я добавил:

– Один гектолитр, государь, равен 3,6 четверика. Так вот, это зерно практически все покупала Турция. Но уже в 1816–1820 годах объем годового экспорта зерна достиг 5,8 миллиона гектолитров, из которых треть шла в Южную Европу. И это несмотря на то, что цены на зерно росли из года в год.

А в 40-х годах, когда в Северной Европе из-за эпидемии фитофтороза почти полностью погиб урожай картофеля, экспортный объем продаж русского зерна увеличился вдвое. В 1847 году он достиг максимума – 12,4 миллиона гектолитров. Вот тут Британия, которая пострадала от неурожая картофеля едва ли не больше всех, поспешила отменить все свои ограничения на ввоз хлеба. Главным поставщиком хлеба в Британию стала Россия. Это-то и переположило сильных мира сего из Туманного Альбиона.

Английские торговцы стали активно закупать зерно, выращенное в САСШ, а также в Дунайских княжествах. Из Молдавии и Валахии в Британию ежегодно отправлялось 1–2 миллиона гектолитров пшеницы и кукурузы.

Один немецкий эмигрант, живущий в настоящее время в Британии, писал: «Англия не может допустить, чтобы Россия постепенно поглотила придунайские страны, значение которых как хлебной житницы все возрастает; она не может позволить, чтобы Россия закрыла судоходство по Дунаю. Русский хлеб и теперь составляет слишком важную статью в потреблении Англии; присоединение же к России этих производящих зерно пограничных с нею стран поставило бы Ве-

ликобританию в полную зависимость от России и Соединенных Штатов и превратило бы эти две страны в регуляторов мирового хлебного рынка».

– Интересная мысль, – кивнул император, – скажите, Андрей Борисович, а как зовут этого немца?

– Зовут его Карл Маркс, – ответил я. – Он женат на единокровной сестре нынешнего министра внутренних дел Пруссии Фердинанда фон Вестфалена. Я потом расскажу вам о нем более подробно, сейчас же отмечу, что этот человек сделал еще одно верное замечание – насчет судоходства по Дунаю. Британцев весьма беспокоил контроль России над устьем Дуная. Тем самым вы, государь, перекрывая эту важнейшую европейскую транспортную артерию, смогли бы серьезно влиять на экономику и политику всей Европы.

Вот, посмотрите, – я развернул карту, лежавшую на столе в кабинете императора. – Это Дунай, самая большая река в Европе – после Волги, разумеется. Она судоходна почти на протяжении двух с половиной тысяч верст. Из Черного моря по Дунаю можно добраться до Баварии, и даже до вюртембергского Ульма, пересекая при этом множество богатых и густонаселенных земель. Вена, Будапешт, Белград, Пресбург², все эти города стоят на берегах Дуная. А притоки Дуная расходятся по всей Европе.

Это самая большая и самая оживленная транспортная артерия Старого Света. Дунай практически не замерзает – су-

² Нынешняя Братислава.

доходство по нему прекращается обычно на один – два месяца, а в теплые зимы суда по Дунаю ходят круглый год.

Контролируя западную часть Черного моря, Россия перехватывала все три основных гирла – так именуются устья Дуная: Килийское, Георгиевское и Сулинское. Вот этого-то и боялась Британия, и не только она. Отсюда и недоброжелательное отношение к России и Австрии, мечтающей завладеть всем течением Дуная.

– Что ж, в этот раз, когда этот молокосос Франц-Иосиф окончательно очистит занятые его войсками Дунайские княжества, мы возьмем под строгий контроль все эти гирла, построим сильные крепости у впадения Дуная в Черное море, чтобы даже мышь мимо них не проскочила, – сказал император.

– А почему Британия проявила такую активность во время кризиса, связанного со святыми местами в Иерусалиме? – спросил Перовский. – Ведь спор между православными и католиками англиканской церкви не касался.

– Тут, Василий Алексеевич, следует вспомнить то время, когда Россия оказалась на Босфоре и подписала с Османской империей Ункяр-Искелесийский договор. Ведь по Андрианопольскому мирному договору 1829 года, заключенному с Турцией после победоносной войны, Россия получила право свободного, без турецкого досмотра, прохода торговых судов через Проливы. А по Ункяр-Искелесийскому договору 1833 года Турция обязалась вообще не пропускать военные

корабли других стран в Черное море.

Этот договор привел в ярость Британию. Фактически Россия и Турция могли теперь контролировать судоходство на Черном море. А ведь помимо того, что четверть импорта в Турцию составляли английские товары, так, ко всему прочему, и вся английская торговля с Персией велась тогда через черноморский порт Трапезунд (Суэцкий канал еще не построен). С большим трудом английской дипломатии при попустительстве канцлера Нессельроде удалось добиться отмены Ункяр-Искелесийского договора. Британия стала наращивать поставки своих товаров в Персию: если в 1842 году через Дарданеллы проследовало 250 английских судов, то в 1851 году их было уже 1741!

Все это, вместе взятое, и стало поводом для британцев к началу войны против Российской империи. Ради этого они пошли на союз со своим старым врагом – Францией. Правда, французские солдаты нужны были англичанам в основном в качестве пушечного мяса. Как вы знаете, особыми успехами британцы на поле боя похвастаться не могут. Следует ожидать, что французы по достоинству оценят коварство своих союзников и первыми выйдут из войны. Для этого надо активизировать работу наших дипломатов, ведя с противником переговоры сепаратно.

– Знаете, Андрей Борисович, – улыбнулся Перовский, – действительно, я получил донесения от своих доверенных лиц, живущих в некоторых европейских столицах, о том,

что к ним обратились агенты неких влиятельных британских неофициальных кругов, предложившие начать консультации – пока приватные – о прекращении боевых действий и о начале мирных переговоров.

– Вполне вероятно, что за ними стоят определенные круги в британском парламенте, либо даже в Министерстве иностранных дел, – сказал я. – Но и нынешний премьер, и министр иностранных дел настроены на войну до победного конца. Более того, там до сих пор сильны надежды на реванш на Черном море – ведь союзный флот до сих пор превосходит российский даже без учета турецких кораблей, да и во Франции ныне набирают новую и весьма многочисленную армию. Кроме того, там и в Англии лихорадочными темпами строят новый флот и набирают для него моряков. Есть сведения, что агенты Адмиралтейства действуют и в британских колониях в Америке, и в Голландии, и даже в портах Североамериканских Соединенных Штатов, предлагая морякам хорошие деньги за службу в Королевском военно-морском флоте.

– Что ж, господа, – император подвел итог нашей сегодняшней беседе, – вряд ли полноценные переговоры уместны на данный момент, но неплохо бы разузнать, что именно эти «неофициальные круги» готовы нам предложить, и на основе этого подготовить наши встречные предложения. Они должны быть максимально жесткими, ведь тот, кто напал на Россию или решится на это в будущем, должен впредь знать – она строго спросит за это!

Историческая справка

Как царь Николай султана спасал

Так уж случилось, что за всю свою многовековую историю России пришлось не один раз воевать с Турцией. Только в XIX веке были четыре русско-турецкие войны. И все они, за исключением неудачного для Петра I Прутского похода, закончились для Турции военным поражением и подписанием мирных договоров, выгодных для России. Одна из таких войн закончилась в 1829 году переходом русских войск через Балканы, за что командующий этими войсками граф Иван Иванович Дибич стал Дибичем-Забалканским.

Перед русской армией лежал Стамбул, который фактически был беззащитен. Но Турция запросила пощады, и в Адрианополе был подписан мир, по которому к России перешла большая часть восточного побережья Черного моря, включая города Анапу, Суджук-кале (будущий Новороссийск) и Сухум, а также дельту Дуная. На Кавказе Турция признала переход к России Грузии, Имеретии, Мингрелии, Гурии, а также Эриванского и Нахичеванского ханств.

А уже через всего три с лишним года после подписания Адрианопольского мирного договора, русские войска высадились в окрестностях Стамбула, а русский флот прошел Босфор и по-хозяйски расположился в Проливах. Причем все это произошло без стрельбы и кровопролития. Наоборот, султан Махмуд II слезно умолял своего царственного

брата Николая I побыстрее послать русскую армию и флот в Стамбул. Что же произошло такое, что заставило султана обратиться со столь необычной просьбой к русскому царю?

А случилось вот что... В 1831 году в Египте поднял мятеж вассал турецкого султана, хедив (наместник Египта) Мухаммед Али-паша. Хедив Мухаммед провел ряд реформ, реорганизовал подчиненные ему войска по европейским стандартам, превратив Египет в мощное государство. Он захватил Северный Судан и решил получить полную независимость от Турции.

Поводом для восстания стало требование султана заплатить ему внеочередной налог в турецкую казну. Если учесть, что еще со времен русско-турецкой войны 1829–1830 годов хедив прекратил платить дань Махмуду II, требование султана было принято в штыки.

Египетская армия, состоящая из 30 тысяч прекрасно обученных и вооруженных солдат, оснащенная 50 полевыми орудиями и 19 осадными мортирами, захватила Газу, Иерусалим и ключевую крепость Сен-Жан д'Акр, заняв всю турецкую Сирию.

Командовал египетской армией приемный сын Мухаммеда Али Ибрагим-паша. Но фактически всеми военными действиями против Турции руководил, как бы сейчас назвали, «военный советник», скрывавшийся под псевдонимом «полковник Иванов». Но для многих не было секретом, что этим «Ивановым» был участник войны с Наполеоном, герой

сражения при Кульме генерал Александр Иванович Остерман-Толстой. Правда, он находился в составе армии Ибрагим-паши, скажем так, неофициально. За что позднее получил выговор от императора Николая I. А вот у египтян он пользовался таким уважением, что после взятия Дамаска ему было разрешено въехать в ворота покоренного города верхом на коне. А ведь по тамошнему обычаю все немусульмане должны были у ворот Дамаска спешиться и входить в город, ведя лошадь в поводу.

Но как бы то ни было, под командованием Ибрагим-паши и «московского паши» египтяне в пух и прах разгромили турецкие войска у Бейлана и под Коньей. В ходе последнего сражения в плен попал великий визирь Рашид-паша, командовавший турецкой армией. Путь на Стамбул был открыт. У султана Махмуда II осталось в наличии всего около 25 тысяч воинов, деморализованных непрерывными поражениями. И тогда султан запросил помощи европейских держав...

Но кто мог реально оказать помощь Турции? Франция, которая помогла Муххамеду Али реорганизовать египетскую армию и скрытно поддерживала хедива, рассчитывая укрепить свои позиции в Египте? Англия, которая в свое время заверяла султана в полной поддержке, но ничего реального для спасения султана так и не сделала?

Оставалась лишь Российская империя, с которой Турция совсем недавно воевала. Но делать было нечего. Султан вспомнил турецкую пословицу, в которой говорилось, что

утопающий хватается даже за змею, и написал письмо в Петербург русскому царю Николаю I с мольбой спасти его трон и саму Османскую империю.

К тому времени египетский флот уже загнал турецкую эскадру в Мраморное море и заблокировал Дарданеллы. Еще немного, и египтяне пройдут через Проливы, захватят турецкие корабли и высадят у Стамбула свой десант. Ну а египетская армия под началом Ибрагим-паши и без того была всего в нескольких днях пути от столицы Турции.

В Стамбуле царила паника. Махмуд II готовился бросить город на произвол судьбы и бежать в Анатолию. И тут пришло спасение...

Русский император Николай I молниеносно отреагировал на просьбу султана. В начале февраля 1833 года из Севастополя вышла эскадра под командованием прославленного адмирала Михаила Петровича Лазарева, в составе четырех 80-пушечных линейных кораблей, трех 60-пушечных фрегатов, корвета и брига. Она взяла курс на Босфор.

8 (20) февраля 1833 года русская эскадра подошла к Золотому Рогу и высадила десант в составе двух пехотных полков, казачьей конницы и нескольких артиллерийских батарей. Известие о появлении русской эскадры в Босфоре вызвало панику в английском и французском посольствах. Европейская дипломатия теперь уже реально пытались остановить египтян, после чего султан попросил бы русские войска и флот удалиться. Но им помешали взаимные подозрения и

попытки перехитрить друг друга.

А Ибрагим-паша продолжил свое движение на Стамбул. Чтобы уговорить не в меру воинственных египтян, Николай I послал к Босфору подкрепления. Вскоре мощная русская группировка – 20 линейных кораблей и фрегатов и более 10 тысяч воинов – располагалась на азиатском берегу Босфора, в районе Ункяр-Искелеси.

24 апреля (6 мая) 1833 года в Стамбул прибыл личный представитель царя Алексей Орлов. Он должен был убедить Ибрагим-пашу увести свои войска, а также подписать с Турцией новый договор. Оба поручения Орлов выполнил блестяще.

Русский дипломат убедил Ибрагим-пашу увести свою армию за хребет Тавр. А 26 июня (8 июля) 1833 года в местечке Ункяр-Искелеси был подписан договор о мире, дружбе и оборонительном союзе между Россией и Турцией. Договор предусматривал военный союз между двумя державами в случае, если одна из них подвергнется нападению. Дополнительная секретная статья договора разрешала Порте не посылать войска на помощь России, но требовала закрытия проливов для кораблей любых держав (кроме России). Орлов действовал ловко, быстро, и так умело давал взятки, что в британских и французских дипломатических кругах шутили, что Орлов купил всех, кроме султана, да и то лишь потому, что ему это показалось уже ненужным расходом.

Это была блестящая дипломатическая победа России.

Безопасность Русского Причерноморья была обеспечена, а Черное и Мраморное моря закрыты для потенциальных врагов. С южного стратегического направления Россия теперь была неуязвима. К тому же возникала угроза положению Англии и Франции в Средиземноморье – ведь договор позволял русским кораблям беспрепятственно выходить из Черного моря в Средиземное. До этого Россия была вынуждена в случае военной необходимости перебрасывать в Средиземноморье корабли из Балтийского моря, в обход всей Европы.

8 октября 1833 года Англия и Франция выразили совместный протест. Они заявили, что если Россия вздумает ввести в Османскую империю вооруженные силы, то обе державы будут действовать так, как если бы Ункяр-Искелесийский договор «не существовал».

Николай I ответил просто и грубо. Он заявил Франции, что если турки для своей защиты призовут на основе договора русские войска, то он будет действовать так, как если бы французского протеста «не существовало». Англии ответили в том же духе.

Благодарный султан Махмуд II наградил медалями всех участников похода на Босфор, от рядового до главнокомандующего. Правда, подарки понравились не всем. Адмирал Лазарев в письме другу так оценил подаренную ему медаль: «Один камушек порядочный, и ценят ее до 12 000 рублей... Чеканка дурная, но зато золота много, не дураки ли турки, выбили медали, в которых весу по 46 червонцев». Но как из-

вестно, дареному коню... Кстати, все русские офицеры получили в подарок от турецкого владыки по отличной лошади.

Договор с Турцией был заключен на восемь лет. Правда, дипломатия Николая I не смогла воспользоваться теми возможностями, которые содержались в этом договоре, и он так и не был пролонгирован. Но это уже совсем другая история.

4 (16) октября 1854 года.

Санкт-Петербург. Екатерининский канал

*Студент Елагиноостровского университета Апраксин
Сергей Юрьевич*

– Серый, гля, а вот тут я жил! – Вася показал мне на желтое здание у канала. – В этом самом доме. Видишь, угол Спасского переуллка и канала Грибоедова, или как он у них тут именуется. То ли Елисаветинский, то ли Екатерининский, хрен его знает...

– Прикольно. А куда мы идем-то? Ты ж сказал, что знаешь эти места.

– Ну, знаю – это в наше время. Что здесь сейчас находится – это другой вопрос. Только слышал я, что на Садовой у них куча клевых кабаков была. А по дороге мне захотелось на родные места посмотреть.

– То есть мы только для этого сделали крюк?

– Да какой на хрен крюк? Посмотри, вот уже Сенная. Емое, а что это за церковь такая красивая? Прямо какой-ни-

будь Растрелли³!

– Кто расстрелян?

– Растрелли, debil. Архитектор был такой. Зимний дворец, Екатерининский в Царском Селе, Строгановский на Невском. Только этой церкви в мое время тут не было. Была станция метро, там еще бетонный козырек в 90-е упал и кучу народу раздавил. А вот и Садовая. По ней мы и пойдем, солнцем палимы. Ну, или дождем орошаемы... Сам знаешь, какая у нас погода в Питере.

– Это что, те самые места, по которым Мойдодыр бежал? «По Садовой, по Сенной?»»

– Дерёвня! Не Мойдодыр, а бешеная мочалка! Да, именно здесь все и было. Только в моем времени тут машин было полно – не протолкнуться, а сейчас, видишь, экипажи рассекают. И лавок полно разных. Прямо как у нас в 90-е. Смотри, нищие тут везде шастают. А глаза у них так и шныркают. Ты, Серый, за карманами приглядывай – вокруг Сенной, я слышал, такие места были, что не только кошелек, но и голову легко потерять.

Давай лучше зайдем куда-нибудь, перекусим. Вчера нам стипендию выдали, так что можно кутнуть маленько. Надо взглянуть, где здесь трактир имеется поприличней.

– А почему трактир? Может, лучше в ресторан заглянуть?

– В ресторане все, наверное, дорого. А деньги надо беречь.

³ Церковь Спаса на Сенной ранее действительно приписывалась Растрелли, ныне считается шедевром А. В. Квасова. Снесена в 1961 году.

Вдруг что-нибудь купить захочется. В трактирах же, как мне рассказывали, и на полтинник можно наесться, до отвала...

Да, Вася из Питера. А я – гопота из Ростова. После школы попал на флот, там образумился и понял, что мне нравится электроника. Поэтому и поступил в Поповку. Но вот в самом Питере бывал только на Московском вокзале и на экскурсиях для курсантов. В Поповке я и сдружился с Васей, чьи предки были СНС в каких-то институтах.

Шпану же я чуял за версту. Вот и здесь с ходу приметил троицу, очень уж внимательно нас осматривавшую. Я пристально посмотрел на того, кто, по моему разумению, был у них старшим. Тот чуть кивнул мне – мол, понял, не дурак – и дал знак своим «пристяжным», после чего те мгновенно испарились. А Вася, не заметив ничего, увлеченно вещал дальше:

– А вон твой однофамилец – Апраксин двор, «Апрашка», по-нашему. Клевое место... Говорят, что здесь можно было в наше время купить все, даже атомную бомбу, правда по частям.

– Не, Вася, мне тут как-то не по себе. Пойдем лучше по каналу ближе к Невскому. Там вроде и народ попримичней, и кабаки не такие убогие.

И мы пошли по гранитным плитам Екатерининского канала в сторону Невского проспекта. По дороге к нам пытались присоседиться несколько девиц, чей внешний вид недвусмысленно говорил о том, чем они занимаются.

– Ваше благородие, – одна из здешних «путан» схватила меня за рукав, – угостите даму винцом. Я справлю вам удовольствие.

Заметив мой нехороший взгляд, она кокетливо поправила изрядно затрепанную вуаль и попыталась меня успокоить:

– Не извольте беспокоиться, ваше благородие, я чистая, у меня билет есть, и у врача я недавно была.

Я выругался, подхватил остолбеневшего от такого напора Васю и прибавил шагу. Выйдя на Невский у Казанского собора, мы облегченно вздохнули и огляделись по сторонам.

– Серега, смотри, – Василий толкнул меня в бок локтем. – Видишь, там, где у нас гостиница «Европейская» была, здание стоит. А на нем вывеска «Ресторан». С твердым знаком даже! Давай зайдем. Хрен с ними, с деньгами, гулять так гулять.

И мы перешли на другую сторону Невского. Оказалось, что в здании находится две ресторации: дорогая – французская, и дешевая – немецкая. Мы решили зайти в немецкую. Тем более что «халдей», с почтением встретивший нас у входа, заявил, что только у них в заведении можно выпить настоящего немецкого пива.

Ну, пиво – значит, пиво. Мы заказали несколько бокалов баварского светлого, а к ним блюдо с жареными сосисками и колбасным салатом.

Вася отхлебнул пышную белую пену с бокала, втянул ноздрями запах, исходящий от сосисок, и с мечтательной

улыбкой произнес:

– Ну что, Серый, устроим маленький «Октоберфест»?

– А то!

Краем глаза я заметили, что за соседний стол уселась парочка усарых мужиков, общавшихся друг с другом на каком-то языке, похожем на русский, но с большим количеством шипящих. Но пиво было преотличное, а сосиски такие вкусные, что мы не обратили на них внимания. И, как оказалось, зря.

Выпив литра полтора пива и съев все, что нам подали, мы рассчитались с официантом (похоже, что он нас чуток обсчитал – слишком уж заулыбался, когда мы оплатили счет, да еще и отстегнули ему щедрые чаевые) и вышли на свежий воздух. Мы решили продолжить прогулку по Санкт-Петербургу XIX века. Свернув на Казанскую улицу, мы пошли по ней в сторону Гороховой. Неожиданно я почувствовал что-то твердое, уткнувшееся мне в спину. Хриплый голос произнес прямо мне в ухо:

– Цо, паньчи, прогуляемся мы с вами трохэ. Не балуйте, то пистолеты, и мы умеем их уживать.

– Что вам надо? Деньги? – испуганно запричитал Вася.

– И дзеньгы тоже, – мерзко хихикнул собеседник.

Краем глаза я разглядел, что это был один из той «сладкой парочки», что сидела в ресторации за соседним столом и паялилась на нас. Из чего я сделал гениальное умозаключение – за мной стоит второй бандюган.

– А пока рот замкнуть, а то буду стрелял! – прошипел мне на ухо налетчик. – Пошли, пся крев! Вон туда, – и он левой рукой махнул в сторону трехэтажного дома с портиками из восьми колонн и треугольным фронтоном. Я огляделся по сторонам, но, как на грех, поблизости не было ни одной живой души.

– Стуй! Пришли. Не оборачиваться! – И поляк (видите, какой я умный – смог-таки понять, к какому племени принадлежат эти разбойники) постучал в дверь подъезда. Три раза, пауза, два раза, пауза, один раз.

Дверь распахнулась, на пороге появился человек с усами, только не вислыми, как у «сладкой парочки», а лихо закрученными вверх. Мой польский конвойный скомандовал:

– Вовнутрь, пся... – но почему-то не успел закончить свое любимое ругательство. Всхлипнув, усатый схватился руками за промежность и плавно стек по стенке дома на тротуар. Поляк, открывший дверь, попытался ее захлопнуть, но словно из-под земли появившийся человек в мундире махнул рукой, будто кошка лапой, и поляк влетел в парадную, как футбольный мяч в ворота. Еще несколько людей – эти были в штатском – вихрем ворвались в дом, откуда вскоре раздались истошные вопли.

Наш спаситель тем временем деловито связал пластиковыми стяжками двух еще не очухавшихся поляков, забил им кляпы в рот, и лишь потом посмотрел на нас. Он ухмыльнулся и сказал:

– Ну, что, «гиляровские», начитались «Трущоб Петербурга»⁴? И кому из вас в голову пришло побродить по Сенной? Вы бы еще в «Вяземскую лавру»⁵ сунулись. Оттуда даже мы не смогли бы вас вытащить.

Мы понурили головы, а он продолжал читать нравоучения:

– Вам что, не говорили на инструктаже, что в подобные районы лучше не соваться?

– Да я же питерский, – пробормотал Вася. – Из этих самых мест.

– Из этих, да не из этих. Здесь не место для студентов.

– Так мы пойдем?

– А куда спешить-то? Посидите тут, расслабьтесь чуток.

– Мы что, арестованы?

– Вот уж делать нам нечего, арестовывать каких-то балбесов. Опросить вас надо будет, чтобы разобраться с этими поляками. Сами они на вас вышли, или их кто-то навел... Да и вообще, прогулки по подобным районам Питера придется временно отменить, после таких-то страстей-мордастей.

⁴ Гиляровский написал «Москва и москвичи». Автор авантюрного романа «Трущобы Петербурга» Всеволод Крестовский.

⁵ «Вяземской лаврой» называли дома, расположенные рядом с Сенной площадью в районе между Обуховским проспектом (нынешним Московским) и Горсткиной улицей, там где сейчас находится рынок и далее к реке Фонтанке. В ночлежках, притонах и квартирах «Вяземской лавры» процветали пьянство, азартные игры, разврат. Не прекращались драки и поножовщина. Случайно попавшего сюда человека могли, а чаще всего именно так и бывало, ограбить до нитки, да еще и «накостылять» по шее, спуская с лестницы.

Лучше уж вернетесь вместе с нами.

4 (16) октября 1854 года, вечер.

Санкт-Петербург. Елагин остров

Мейбел Эллисон Худ Катберт, она же Алла Ивановна.

Студентка и преподаватель Елагиноостровского Императорского университета

В дверь постучали. Так как я жила в особнячке, выделенном доктору Елене Викторовне Синицыной, декану медицинского факультета нашего университета, а также капитану медицинской службы Гвардейского Флотского экипажа, то это мог быть только один человек – моя радушная хозяйка, сама предложившая мне поселиться в ее доме, ведь «для меня одной места слишком много».

– Да, Леночка, – сказала я по-русски.

Та зашла ко мне в комнату и с улыбкой протянула мне листок бумаги с текстом по-английски, где было написано:

«Darling, we are at Moscow's Petersburg Station. Leaving soon. Arriving tomorrow around six AM. Love and kisses. Nick»⁶.

Я завизжала от радости и заключила Лену в объятия.

– Пусти, Аллочка, а то еще задушишь, – пропищала она.

Аллачка... Я машинально достала из-за пазухи золотой крестик – подарок моей крестной, великой княгини Елены

⁶ Милая, мы в Москве, на Петербургском вокзале. Скоро отправляемся. Будем завтра около шести часов утра. Люблю и целую. Ник (*англ.*)

Павловны – и поцеловала его.

Когда я узнала, что мой Ник скоро приедет, то решила не медлить и как можно скорее перейти в православие. Меня первым делом спросили о моем теперешнем (сейчас уже бывшем) вероисповедании. Пришлось объяснять, что епископальная церковь Америки – это та же англиканская церковь, но под другим названием. Тогда мне было предложено два варианта: либо заново принять обряд Святого Крещения, либо ограничиться обрядом миропомазания. Подумав, я все же решила выбрать первое – это ознаменует мое новое рождение в качестве русской и подданной Российской империи.

И представьте себе мое изумление, когда моей крестной вызвалась стать сама великая княгиня Елена Павловна, приехавшая в университет на заседание Попечительского совета, а крестным – Владимир Михайлович Слонский, наш ректор. И позавчера я с целой делегацией отъехала в Ораниенбаум, а вчера с раннего утра я пошла в Дворцовую церковь Ораниенбаума, переоделась в шелковую крестильную рубашку – подарок Владимира Михайловича – и в какой-то момент службы очутилась в теплой воде купели.

«Крещается раба Божия Алла во имя Отца, аминь, – и священник чуть надавил на мою голову, заставив меня на секунду погрузить ее в купель, – и Сына, аминь, – и опять, – и Святого Духа. Аминь».

Алла – это теперь я. Зовут меня Мейбел Эллисон, и мне

было предложено несколько крестильных имен на выбор, но я предпочла именно Аллу – очень красивое имя, оно мне сразу понравилось. Потом была литургия, в ходе которой я впервые причастилась Святых Таинств по православному ритуалу – не из чаши, как это делалось у нас, а с ложечки. Затем Елена Павловна устроила мне праздник, в ходе которого я потолстела, наверное, килограмм на пять (что соответствует примерно одиннадцати американским фунтам – я уже отвыкла от наших мер длины и веса и привыкла к метрической системе, которая используется и на Эскадре, и в моих учебниках).

И тут я решилась попросить о том, о чем давно мечтала, но боялась получить отказ.

– Ваше императорское высочество...

– Алла Ивановна, зовите меня просто Елена Павловна, – улыбнулась та. – Ведь духовное родство столь же близко, сколь и кровное. А я теперь ваша крестная мать.

– Елена Павловна, дозвоьте мне вступить в Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия!

Великая княгиня с удивлением посмотрела на меня:

– Аллочка, а зачем это вам? Вы будущая студентка, подающая, по словам Владимира Михайловича, большие надежды, и одновременно преподаватель английского...

– Елена Павловна, я возьму с собой учебники по всем предметом, и смею надеяться, что смогу подготовиться к первому семестру.

– Да, но зачем это вам?

– Если я хочу стать настоящим врачом, то мне необходима практика. Ну а где ее лучше получить, как не в полевом госпитале? А то получится, как с новым набором сестер милосердия – они хоть и состоят теперь при госпитале Елагин-ноостровского университета, да пациентов для практики там сейчас совсем немного, тем более раненых, среди которых остался разве что мой брат Джеймс.

– Знаю. Ко мне уже приходила одна из сестер и умоляла разрешить ей помолвку с вашим братом. По ее словам, он согласен.

Я с удивлением посмотрела на великую княгиню. Однако... Так-так-так... Вот, оказывается, почему Джимми согласился заместить меня на посту учителя на время моего отсутствия! Да и вообще в последнее время он говорил, что не хочет пока возвращаться в Саванну, разве что только для того, чтобы навестить родных. Хорошо еще, что он пока что не может обходиться без костылей, да и рука у него все еще на перевязи. Иначе, боюсь, он уже давно бы подал прошение о зачислении его в российскую армию, как он не раз уже мне намекал. Тем более, если его невеста поедет в те же края...

А ведь сердце его до недавнего времени было свободно. С девушкой с соседней плантации, которую ему в свое время подобрали наши родители в невесты, Джимми расстался полюбовно – ни он ей, ни она ему не нравились. Вышла она замуж, как я слышала, за какого-то плантатора из Атлан-

ты. Была, конечно, еще кухня Альфреда Черчилля, Диана, только она погибла у Бомарзунда от ядра французской пушки. Так что ни с кем никакими обязательствами он не связан.

Но так как нашей мамы рядом нет, то придется мне взглянуть, что это за невеста такая у него нарисовалась. На мой вопрос Елена Павловна рассмеялась:

– Не бойтесь, Алла Ивановна. Девушка она хорошая, да еще и с графским титулом. А вот как ее зовут... Пусть лучше вам об этом расскажет брат.

Я мстительно подумала, мол, все мне выложит, куда он денется, а мы еще посмотрим на эту графиню. Ведь мы с братом в последнее время стали близки, как никогда; Америка далеко, да и никого из наших английских друзей у Джимми не осталось – почти все они погибли при гибели яхты. Все, кроме Альфреда. Но после того, как я мягко сообщила тому, что дала согласие стать женой другого, и «давайте останемся друзьями», он жутко разозлился и на меня, и на Джимми, а вчера отплыл на пароходе в Копенгаген, хоть ему и советовали еще немного подлечиться и подождать, пока будет готов протез. Мы пришли к нему попрощаться, а он взял и выставил нас за дверь, наговорив кучу гадостей про «проклятых азиатов» и «вероломных янки». Мы, конечно, не янки, да и русские в большинстве своем не азиаты, но все равно обидно...

И вот сейчас я держала в руках телеграмму, а Леночка продолжала, уже по английски – все-таки по-русски я говорю

пока еще не очень хорошо:

– Юра Черников сообщил мне, что сам поедет встречать своего питомца, так что тебе там быть необязательно. Хотя, зная тебя, я уверена, что ты все равно туда помчишься. Имей в виду, был какой-то инцидент со студентами в городе, и теперь нужно получать увольнительную – это разрешение на выход в город. Если хочешь, я за ней схожу. А ты подумай пока, что завтра наденешь...

– Леночка, ты самая лучшая на свете подруга, – сказала я и поцеловала ее в щеку. Та засмеялась и вышла из комнаты, бросив на прощание:

– Юра поручил передать тебе, что катер отходит от причала в двадцать минут шестого – смотри, не опаздывай! Он ждать никого не будет. Я разбужу тебя в половине пятого.

А у меня в животе, как говорится у нас, порхали бабочки. Наконец-то... Сколько раз я плакалась Лене, что он не пишет, а когда пишет, то весьма скупо. И она каждый раз меня успокаивала, что, мол, он на войне, что радиogramмы передаются через несколько промежуточных станций и потому идут медленно; и, главное, что – «да, он тебя любит». И я верила ей на слово. Ну что ж, завтра увидим, так это или нет. А вдруг нет? И от этой мысли я горько зарыдала.

5 (17) октября 1854 года. Деревня Слободка, дом профессора Николая Ивановича Лобачевского

Николишин Артемий Александрович, ассистент Елагино-

островского Императорского университета

– Здравствуйте, – человек в поношенном сюртуке сделал полупоклон, подслеповато щурясь на мою визитную карточку, которую передал ему пожилой слуга.

– Здравствуйте, Николай Иванович, – приветствовал я его. – Позвольте представиться, Николишин Артемий Александрович. Спасибо за то, что вы согласились меня принять.

– У меня в последнее время мало визитеров, – невесело усмехнулся мой собеседник. – Разве что ученики мои иногда приезжают... Супруга с детьми в отъезде, я сейчас совсем один. Не угодно ли чаю? Прохор, не надо, я сам, – добавил он, повернувшись к слуге.

– Благодарю вас, Николай Иванович, не откажусь, – ответил я. Увидев, что тот практически на ощупь пытается поставить чашку под краник самовара, мягко добавил:

– Позвольте мне.

Я налил по чашечке ароматного чая, а Лобачевский спросил:

– И чем же я обязан вашему визиту, господин Николишин?

Решив начать прямо с места в карьер, я сказал:

– Николай Иванович, мне поручено предложить вам место профессора в Елагиноостровском Императорском университете. Вот письмо от его императорского величества. А вот – от ректора Елагиноостровского Императорского университета, профессора Владимира Михайловича Слонского.

Лобачевский схватился за сердце. «Ну вот, – подумал я, – дурак ты, Тема. Тебе было поручено привезти великого ученого в Петербург, а не довести его до инфаркта».

Но хозяин дома неожиданно улыбнулся и ответил:

– Артемий Александрович, я давно уже не занимал никаких официальных постов. Меня лишили практически всех должностей еще восемь лет назад, да и здоровье у меня, увы, уже не то. Зрение, опять же, сильно ухудшилось в последнее время...

– Николай Иванович, первое, что случится, когда вы приедете в Петербург – вас осмотрят наши врачи и сделают все, чтобы спасти ваше зрение и восстановить здоровье. Поверьте, они это сделают, если это вообще возможно. И если вы согласитесь, то займете эту должность, вне зависимости от состояния здоровья. Вам и вашей семье будет предоставлено бесплатное жилье на Елагином острове, либо тысяча рублей квартирных в год, если вы решите сами найти жилье. Всей семье гарантируется бесплатная медицинская помощь и пенсия. Ваши дети смогут бесплатно учиться в новосозданной школе при Елагиноостровском университете. А оклад ваш будет составлять восемьсот рублей в месяц.

Лобачевский вздрогнул и посмотрел на меня внимательно, а я добавил:

– Обо всем об этом написано в письме профессора Слонского. Кроме того, император выделил вам из собственных средств премию в две тысячи рублей, – и я протянул ему

конверт с вензелем Николая I, добавив: – Это за ваши заслуги в науке. Премию можете оставить себе, даже если вы отклоните наше предложение.

– Артемий Александрович, голубчик... Вы ведь знаете, что меня уволили от должности по указу Сената. К тому же в бытность мою профессором и даже ректором оклад мой составлял не более четырех тысяч рублей в год... А тут вы привозите мне такую сумму и такое предложение... Интересно, почему государь признал мои заслуги именно сейчас? Неужто... Скажите, Артемий Александрович, вы знакомы с моими трудами?

– Конечно, Николай Иванович. Изучал в университете. Да и теория относительности...

Я запнулся. Ну ты даешь, Тема... Ведь ее откроют только в XX веке. Да, на основании геометрии Лобачевского, но хрена ты о ней упомянул...

Где-то месяц назад нас, новоназначенных ассистентов Университета, собрал Владимир Михайлович и поручил готовиться к тому, чтобы лично посетить выдающихся русских ученых, как уже признанных, так и тех, чьи заслуги в нашей истории имели место в будущем.

Тех, кто находился в Петербурге, Владимир Михайлович посетил лично. Нас же отправили в Москву и другие города страны. Меня с Надей Веселовской – откуда, интересно, Владимир Михайлович узнал, что я к ней неровно дышу? – послали в Казань. Сейчас она обрабатывает Варвару Лоба-

чевскую, супругу Николая Ивановича, которая в конце лета уехала в город, где и находится в данный момент. А я поехал к одному из моих кумиров, которым он является с тех пор, как я еще в детстве познакомился с его геометрией – к самому Николаю Ивановичу.

Владимир Михайлович, покуда нас с Надей вводили в курс дела, рассказал, что, когда император узнал, что человек, к которому он до того, из-за информации, полученной от «доброхотов» из Академии наук, относился весьма прохладно, оказался одним из гениальнейших ученых, лично назначил ему премию и оклад, а также собственноручно написал письмо. Такой чести были удостоены немногие. Впрочем, и стандартный оклад для будущих профессоров был определен в пятьсот пятьдесят рублей, плюс квартирные, что превышало жалованье в любом другом университете.

А сейчас великий математик, странно посмотрев на меня, перешел вдруг на профессорский тон:

– Артемий Александрович, недавно и до нас дошли сведения о победах на Балтике и в Крыму. Пишут, что появились какие-то новые люди на неизвестных доселе кораблях, которым и принадлежит сия заслуга. Кроме того, я, должен сказать вам, знаю практически всех ученых, которые могли бы претендовать на пост ректора любого университета. Так вот, фамилия Слонский мне решительно незнакома. Скажите, Артемий Александрович, вы с профессором Слонским имеете отношение к этой неизвестной эскадре?

Я глубоко вздохнул и произнес:

– Да, Николай Иванович, имеем.

– И вы, как я догадываюсь, не из нашего времени? Сейчас мое имя практически неизвестно, а то, что мои теории получили какое-либо применение, для меня весьма неожиданно. Хоть и чертовски приятно.

– Именно так, Николай Иванович. Я родился в 1988 году в Нижнем Новгороде. Ваш земляк. Отец мой был профессором математики в университете имени Лобачевского – именно так в нашей истории назвали Нижегородский университет. А я учился на военного инженера-электронщика, что подразумевало в том числе и углубленное изучение математики...

– Надеюсь, вы расскажете мне по дороге в Петербург, что это за профессия такая, – улыбнувшись, сказал Лобачевский. Надо признать, что он хорошо держится; ведь не каждый день встречаешься с людьми из будущего.

– Расскажу, Николай Иванович. Кроме того, у меня для вас есть небольшой подарок. – Я сходил в прихожую и принес оттуда сумку. – Вот учебник неевклидовой геометрии, по которому учился и я. Вот здесь – кое-что про теорию относительности. А здесь – ваша биография в нашей истории, в серии «Жизнь замечательных людей».

Лобачевский взял последнюю, поднес ее поближе к лампе, сощурившись, пролистал и вдруг побледнел.

– Выходит, что я умру в 1856 году...

– Надеюсь, что этого не произойдет. В Казани нас ждет моя коллега, Надежда Викторовна Веселовская – ассистент медицинского факультета. Она и проведет ваш первичный осмотр. Не беспокойтесь, о медицине она знает больше, чем любой врач в вашем времени. Эта наука всегда шагала у нас вперед семимильными шагами...

– А что насчет моей семьи?

– После вашего осмотра мы ее возьмем с собой – они же сейчас в Казани? – и отправимся в Тверь на пароходе, а далее в Петербург по железной дороге. Там вас для начала определят в Елагиноостровскую клинику, к профессору медицины Елене Викторовне Сеницыной. Именно она излечила государыню от чахотки.

Лобачевский тяжело вздохнул.

– Ах, как жаль, что вы не прибыли двумя годами раньше. Мой Алеша...

– Да, тогда мы, наверное, смогли бы спасти вашего сына, он ведь умер от той же болезни...

– Ничего уже не сделаешь, увы. Что случилось, то случилось. Вы же, полагаю, пока не умеете воскрешать мертвых... А что будет потом?

– Мы надеемся начать подготовительный семестр уже в феврале следующего года. Но до того, первого декабря в Петербурге намечается съезд русских ученых при Елагиноостровском университете, где для вас уготовано место в президиуме. Кстати, зарплата будет начисляться уже с первого

ноября. Во время подготовительного семестра будет пониженная нагрузка на новых профессоров, зато будут читаться курсы по известным нам научным достижениям в самых разных сферах, в том числе и математике.

Я не стал говорить, что два курса буду читать лично, второй из которых – именно по геометрии по учебнику Сергея Петровича Новикова. Кроме того, мне предстоит защитить диплом и начать работу над диссертацией. Но это все в будущем... Конечно, было несколько боязно, как отреагирует Лобачевский на то, что какие-то юнцы будут его учить. Но у того вдруг загорелись глаза, и он с жаром произнес:

– Артемий Александрович, знаете, что для меня самое важное? Мои дети и моя супруга, конечно, на первом месте. А вот на втором – именно возможность самому поучиться, ведь математика в вашем времени, я полагаю, активно развивалась. Почести же и деньги – дело третье и не столь важное. Так что я вам бесконечно благодарен, Артемий Александрович. Вам, профессору Слонскому и, конечно, государю. Не откажетесь переночевать сегодня у меня? Мне надо будет отдать некоторые распоряжения и уладить кое-какие дела. А завтра с утра мы с вами сможем отправиться в Казань.

5 (17) октября 1854 года.

Кабинет в Зимнем дворце

Подполковник Гвардейского Флотского экипажа Смирнов

Игорь Васильевич

– Василий Андреевич, познакомьтесь, – Андрей Березин представил меня молоджавому генералу в мундире, увешанном орденами, и с лихо закрученными усами, чуть тронутыми сединой. – Это подполковник Игорь Васильевич Смирнов, глава Внутреннего управления Особой службы Эскадры, мой заместитель.

Усатый орденоносец пожал мне руку и в свою очередь представился:

– Генерал-адъютант Василий Андреевич Перовский. Андрей Борисович вкратце рассказал мне, что у вас для меня имеются весьма любопытные сведения. Поэтому-то он и предложил вам встретиться со мной в столь ранний час, перед нашим совещанием с императором.

От напоминания о том, что часы во дворце пробили всего шесть часов, мне нестерпимо захотелось зевнуть. Прикрыв ладонью рот, я с трудом сдержался и произнес:

– Ваше превосходительство...

Перовский слегка поморщился. Видимо, он уже знал о том, что мы, люди из будущего, с трудом привыкаем к титулованию во время общения со своими предками.

– Игорь Васильевич, поскольку беседа наша приватная, то вы можете обращаться ко мне просто по имени и отчеству.

– Хорошо, Василий Андреевич. Так вот, мои люди, совместно с сотрудниками департамента графа Орлова, занимались разработкой нескольких подозрительных личностей.

Сначала нам удалось выйти на группу, которая, как оказалось, работала на англичан, хоть и состояла в основном из поляков. Но как и предполагалось, они такие оказались не единственные. Два дня назад мы обнаружили еще одну явку в доме на Казанской улице. Кстати, в том самом, в коем еще в царствие императора Александра Павловича жил польский поэт Адам Мицкевич.

– Я знаю этот дом, – кивнул Перовский. – Да и с Мицкевичем имел честь быть знакомым. Кто ж знал, что он станет таким ярым ненавистником нашего отечества...

– Так вот, – продолжил я. – Нам повезло, что в доме напротив пустовала квартира, которая принадлежала одному приятелю штабс-капитана Новикова, моего напарника из ведомства графа Орлова. И вчера майор Васильев и его группа увидели, как двое поляков, которые уже бывали в том доме, привели с собой двух молодых людей. Мы узнали в них наших курсантов. Им пришлось выручать этих охламонов и начать штурм здания намного раньше, чем мы собирались.

– А зачем было ждать-то? – полюбопытствовал Перовский.

– Дело в том, что нам очень хотелось понаблюдать за теми, кто заходит в этот дом и посещает явочную квартиру. Да и кое-какие разговоры мы смогли подслушать – есть у нас аппаратура, считывающая человеческую речь с оконного стекла...

Перовский покачал кудрявой головой и с некоторым со-

мнением посмотрел на окна кабинета, в котором мы находились.

Андрей улыбнулся:

– Не бойтесь, Василий Андреевич, кроме нас, ни у кого такой аппаратуры в этом мире нет. Да и к чему вас здесь подслушивать? Тем более, в кабинете, выходящем во внутренний двор Зимнего, где просто негде ее разместить. Продолжай, Игорь Васильевич.

– Интересным оказалось то, – сказал я, – что разговоры в квартире на Казанской велись на чистейшем французском языке. И при штурме здания мы смогли задержать не только пятерых поляков, включая похитителей наших ребят, но и одного француза, который выдавал себя за немца, так как учился в Гейдельберге и в совершенстве выучил тамошний язык. Это некто граф де Козан. Граф же сей, хоть и был самых что ни на есть голубых кровей, так перепугался, увидев наших ребят, что рассказал нам много такого, о чем он, вне всяких сомнений, теперь сожалеет.

В частности, мы узнали, что многие из его подчиненных уже давно окопались в Петербурге, а де Козана прислали еще в конце прошлого года из самого Парижа. До этого он сел разумное, доброе и вечное в Алжире. И он решил, что мы такие же дикари, как и тамошние туземцы-бедуины, эрго, можно по отношению к нам пользоваться теми же приемами, а именно, захватывать местных обитателей с последующим «потрошением» – так мы именуем допрос с использо-

ванием методов, которые не считаются приемлемыми в цивилизованном мире.

В подвал вела замаскированная дверь с тремя камерами и глухой комнатой, обитой войлоком, где на столах были разложены пыточные инструменты. На полу этого застенка, равно как и на самих инструментах, мы обнаружили следы крови. По словам одного из поляков, который был главным «дознавателем» в их шайке, замучено было семь человек, в числе которых оказались и две женщины. Трое из тех, кому не посчастливилось попасть в руки этих изуверов, включая одну из женщин, были, согласно его показаниям, дворянского сословия. После допроса их убили, а трупы положили в мешки с камнями, вынесли ночью из дома и утопили в Мойке.

Посмотрев на нахмурившегося Перовского, я продолжил: – Де Козан поначалу утверждал, что ему ничего не известно ни про пытки, ни про убийства. Но мы сумели найти в его апартаментах тайник с собственноручно им зашифрованными записями. Шифр этот мы с помощью наших... э-э... вычислительных устройств быстро сломали. Записи оказались черновиками отчетов, протоколов допросов, а также донесений де Козана в Париж. Эти бумаги в данный момент изучаются моими людьми.

Узнав о том, что мы нашли и смогли прочитать его документы, де Козан стал молить о пощаде и обещал всемерно сотрудничать с нами. В частности, он сообщил, что ни один из «туземцев», как он назвал свои жертвы, ничего стоящего

не рассказал, а разгром союзников на Балтике и особенно новости о нашей победе в Крыму сподвигли его на попытку похищения кого-нибудь с нашей эскадры. Ведь его особо интересовал вопрос, кто мы такие и откуда появились в этом мире.

– В голове не укладывается, господа, что нация, считающая себя культурной, способна на такое варварство, – покачал головой Перовский.

– Да у них вся история кровавая: не только убийства королей и резня в Варфоломеевскую ночь, но и их революция, с гильотиной и истреблением крестьян в Вандее, – грустно усмехнулся Андрей.

А я продолжил:

– Окажись их затея удачной, то они бы смогли узнать много такого, чего им знать абсолютно не нужно. Боюсь, что наши курсанты не выдержали бы жестоких пыток и рассказали бы им все, что они знают, и даже то, чего не знают.

– А как так получилось, что вам попалась именно эта парочка? – поинтересовался Перовский.

– Чисто случайно. Двое их «боевиков» увидели наших балбесов, которых потянуло на приключения. Поляки проследили, куда они идут, и подкараулили их, тем более что улица оказалась безлюдной...

Мы допросили всех шестерых задержанных – поляков и француза. У нас сложилось впечатление, что это была вся их группа. Явных противоречий в показаниях допрошенных не

было, к тому же они выдали тех, от кого получали информацию.

– И все их шпионы оказались поляками? – спросил Перовский.

– В том-то и дело, что не все. Кое-кто из их информаторов служил в министерстве иностранных дел, некоторые в полицейском управлении, и даже в военно-морском ведомстве – эти все были поляками. А еще было четверо негоциантов – двое русских, один немец и один подданный Нидерландов. У всех четверых оказались подряды военного и военно-морского ведомств. Оба иностранца постоянно ездили по делам за границу. Вот вам и канал связи.

Кстати, мы с сегодняшнего дня наложили запрет на свободный выход в город для всех студентов. Любоваться достопримечательностями Петербурга теперь можно будет лишь в составе группы и в строго определенных для прогулок районах. Любые другие поездки в город – только со специальным разрешением.

– Ладно, Игорь Васильевич. Скоро уже семь, и нам надо не опоздать на совещание у императора. Знаю, что ты всю ночь работал, но будет нелишне, если ты там все же попристствуешь вместе с нами...

Мечты о мягкой подушке и хотя бы двух часах сна мгновенно испарились, и я лишь обреченно вздохнул:

– Так точно. Буду...

5 (17) октября 1854 года, 06:30.

Николаевский вокзал, Санкт-Петербург

Штабс-капитан Домбровский Николай Максимович,
журналист и снайпер, а также жених

– Господа, Санкт-Петербург! Прибываем через полчаса, –
услышал я голос заглянувшего в наш вагон кондуктора.

Я посмотрел в окно. Действительно, поля и леса, которые
еще несколько минут назад проносились мимо нас, смени-
лись городской застройкой вдоль железной дороги. Дома вы-
глядели небогато, ведь мало кто из людей состоятельных за-
хочет жить в жилищах с закопченными от угольного дыма
окнами и стенами, где по несколько раз на дню приходится
вдыхать копоть паровозных труб и слушать гудки паровозов
не только днем, но и ночью...

– Значит, это и есть ваша столица, мой капитан, – улыб-
нулся принц Плон-Плон, сидящий напротив меня на мяг-
ком, обитом плюшем диване. – Признаться, я ожидал нечто
более экзотическое. Такое, как ваша Москва, где обилие зо-
лотых куполов церквей и много красивых деревянных до-
мов...

– Мон женераль, – улыбнулся я в ответ. – Это, наверное,
самая неказистая часть города. Подождите, скоро вы увиди-
те Невский проспект и Дворцовую площадь, а также многое
другое... Полагаю, что если Петербург и несколько моложе
Парижа, то по красоте он ему ни в чем не уступит.

За несколько дней пути мы, как ни странно, немного сдру-

жились с принцем. Он неплохо говорил по-английски, хоть и с уморительным акцентом а-ля инспектор Клузо из фильмов про розовую пантеру. Но по сравнению с моим французским это было как небо и земля.

А началось все так. Несколько дней назад ко мне заглянул Саша Сан-Хуан и сказал:

– Ник, генерал Хрулёв, адмиралы Корнилов и Нахимов, и я, грешный, едем в Петербург по приглашению императора Николая Павловича. Если хочешь, поезжай с нами; увидишь, наконец, свою единственную и неповторимую. Ну и заодно поработаешь по профессии – не все же тебе французов отстреливать и ружьем как дубинкой размахивать, – будет у нас собственный журналюга, который сохранит все происходящее для потомков – то есть для нас. – Хулиович сардонически улыбнулся. – Да, чуть не забыл, с нами поедет в Питер принц Плон-Плон, которого тоже хочет увидеть император. Можешь сделать с ним интервьюшку. Он, кстати, неплохо говорит по-английски.

– А сколько времени продлится все это путешествие?

Капитан, пардонне-муа, уже полковник Сан-Хуан наморщил лоб и стал считать:

– Полдня до Херсона, четыре или пять дней на курьерских до Москвы, ночь в поезде, итого...

– Четыре или пусть даже пять дней на курьерских?! – испуганно воскликнул я. – Да меня растрясет по дороге!

– Ничего, ничего, – «успокоил» меня Хулиович, – все-

го-то какие-то там тысяча четыреста километров. Россия страна маленькая, можно сказать, что все у нас под рукой. Сто верст – не расстояние. А если ты боишься, что растрясет – возьми с собой пуховую подушку и сунь ее под зад.

– И что, обратно мне так же ехать? – обреченно произнес я.

– Тебе – нет. – Хулиович успокаивающе похлопал меня по плечу. – Назад ты отправишься вместе с адмиралом Нахимовым в еще один осенний круиз по рекам России. Впрочем, особого экстрима на этот раз не обещаю. Все должно быть тихо и спокойно.

– Ты что, хочешь меня в тыл отправить?! Совесть-то у тебя есть? – возмутился я.

– Какой еще нафиг тыл? – хмыкнул Сан-Хуан. – Я тебя прикомандирую к частям, которые пойдут на турок с севера; там тоже будут наши ребята, и снайпер-берсерк им не помешает. Так что не бойся, не догонит тебя Маша по числу зарубок на прикладе. Тем более что как раз ее на эту войну я не пушу. Будет сидеть либо в Севасе, либо в Одессе. А с десантом отправится Женя Коган.

– Так точно, господин полковник, есть отправиться с вами! – я браво щелкнул каблуками, изображая старательного служаку.

До Херсона мы добрались на «Рапторе» – решили, что нефиг гонять «Дениса Давыдова» почем зря. Было еще жарко и солнечно, как будто это был не октябрь по новому сти-

лю, а самый что ни на есть июль либо август.

Перед посадкой меня представил принцу Плон-Плону сам генерал Хрулёв как «мсье лё капитен Никола Домбровский», с ударением на «и». Тот сказал мне что-то по-французски, на что я попытался ответить по французски и вспомнил лишь «voulez-vous vous coucher avec moi ce soir?»⁷, но эта фраза, по вполне понятным причинам, в данной ситуации была явно неуместной. Так... Же не манж па сис жур... Нет, тоже не то, да и грамматически неправильно. И вдруг меня озарило:

– Мсье ле пренс, пардонне-муа, же не парль па франсе⁸...

– Do you speak English? – осведомился принц.

– Да, конечно, – ответил я на этом языке.

– Мсье ле капитен, если б я не знал, что вы русский, я бы подумал, что вы родом из Североамериканских Соединенных Штатов.

– Так и есть, мсье ле пренс, я действительно там родился и вырос.

– Но вы же русский?!

– Да, я и русский, и американец, мсье ле пренс.

– Зовите уж меня мистер Бонапарт, – улыбнулся он. – Американцев я видел много, русских тоже, но русского американца вижу впервые. Познакомьтесь, это мой адъютант, капитан Фэ. Мой капитан – это капитан Домбровский.

Тот посмотрел на меня не очень приязненно и сказал что-

⁷ Не хотите ли вы переспать со мной сегодня вечером? (*фр.*)

⁸ Мсье принц, простите меня, я не говорю по-французски (*фр.*).

то типа «очень приятно» по-французски, что явно не соответствовало выражению его лица. Потом капитан с самой короткой фамилией добавил не самым вежливым тоном, что, дескать, по-английски он не говорит. Впрочем, насильно мил не будешь. Сидел бы он в своей разлюбленной Франции, лакал бы сейчас бургундское и слышал только свое французское кваканье.

А Плон-Плон заинтересовался моей персоной и начал меня расспрашивать, откуда я и как давно в России. Я рассказал правду, попутно следя за языком, чтобы не сболтнуть лишнего. А вот про место рождения все же пришлось соврать – принц, по моему первому впечатлению, совсем не дурак, и если я ему расскажу, что родился в Калифорнии, то он явно что-нибудь заподозрит. Он и так смотрел на меня довольно-таки странно.

Впрочем, скоро мы вышли из Севастопольской гавани, и «Раптор», поднимая за кормой пышный бурун, взял курс на Херсон. На палубе было находиться небезопасно – запросто можно было загреметь за борт, – и потому мы направились в салон. Усевшись в кресла, мы продолжили нашу беседу. Оба наших французских «гостя» время от времени посматривали в иллюминатор, с изумлением глядя на пролетающие мимо морские пейзажи.

А потом началась самая экстремальная часть нашего путешествия – на курьерских тройках. Насчет «пуховой подушки» Хулиович, как оказалось, дал правильный совет. Вот

только мне не хватило ума им воспользоваться. Представьте себе – летите вы со скоростью километров под пятьдесят (все зависело от качества дороги – на ухабистой приходилось снижать скорость), вдыхая полной грудью ядреную дорожную пыль, и все это под палящим солнцем.

Я мстительно радовался, наблюдая, как физиономия Хулиовича приобретала восхитительный салатный оттенок, хотя, конечно, хреново было всем, и мне в том числе. Вот разве что Степан Александрович Хрулёв и оба адмирала, а также капитан Фэ перенесли поездку стоически. Принц старался не показывать усталости, но не был в состоянии разговаривать даже во время остановок, так что возможности продолжить нашу беседу пришлось подождать.

Где-то под Брянском солнце спряталось за облака, и стало легче, но ненадолго – не успели мы доехать до Калуги, как зарядил мелкий противный морозящий дождик, и вместо пыли из-под копыт и колес полетели липкие комья грязи, а скорость наших тарантасов резко уменьшилась.

И вот, наконец, Москва. На утренний поезд мы опоздали, и нас шагом прокотили по Первопрестольной, дав нам и нашим французским гостям насладиться красотами древней русской столицы. Даже ворчун Фэ открыл рот от удивления при виде древнего Кремля, храмов и монастырей, прекрасных особняков... Я не преминул напомнить нашим французам, что Москва была еще красивей до пожара 1812 года, когда войска дядюшки Плон-Плона разграбили и сожгли здесь

все дотла. Принц только развел руками и произнес:

– À la guerre comme à la guerre.

Капитан же дипломатично промолчал.

Нас быстро покормили и отвезли на Петербургский вокзал, где нам выделили вагон первого класса в хвосте поезда, подальше от нещадно дымившего паровоза. А еще через несколько минут я услышал свисток кондуктора и звон станционного колокола. Наш железный конь начал свой путь в Петербург. Как говорится, «со скоростью в шестьдесят километров в час, но очень быстро».

«Эх, – с грустью подумал я, – где же вы, “Сапсаны”, или хотя бы “Красная стрела”»?

Разместились мы на мягких диванах на двоих. Спальных мест не было, и ночь пришлось коротать полусидя, набросив на себя теплые пледы – отопление в уже прохладные октябрьские ночи отсутствовало даже в вагонах первого класса. Удобств в этом вагоне тоже не было никаких – в туалеты и для того, чтобы набрать холодной или горячей воды, приходилось выскакивать на крупных станциях во время стоянки поезда.

Кондуктор разбудил нас в половине шестого – надо было наскоро собраться и привести себя в порядок. Светало, и скоро стали видны деревья, а потом и дома. И вот, наконец, поезд сбавил ход. Через три минуты мы уже подкатили к перрону. Я распрощался с начальством, раскланялся с Плон-Плоном и, когда пришла моя очередь, схватился было

за багаж, но кондуктор, стоявший у двери, с удивлением посмотрел на меня и спросил:

– Господин штабс-капитан, что вы? Ведь есть же носильщики-с. Все ваше доставят в лучшем виде-с!

Так что вышел на перрон я налегке, держа в руках только портфель с документами и ноутбуком. Так как я был последним пассажиром, то встречающих было ровно двое – Юрий Иванович Черников, мой шеф по журналистской линии, и моя несравненная и любимая Мейбел.

5 (17) октября 1854 года.

Санкт-Петербург. Зимний дворец

Генерал-майор Гвардейского Флотского экипажа Березин Андрей Борисович, советник министра иностранных дел

– Ваше императорское величество, – произнес Перовский. – С вашего позволения я хотел бы рассказать вам о новостях, поступивших в мое министерство и касаемых военных действий, которые ведет русская армия против англичан и французов.

Николай кивнул, и министр продолжил:

– Вчера посланник Пруссии господин фон Бисмарк сообщил нам, что в Санкт-Петербургский порт на зафрахтованном голландском корабле пришел груз – пятьсот ружей системы Дрейзе – подарок вам от короля Пруссии Вильгельма. Вместе с ружьями прибыли инструктора и большое количество боеприпасов.

Пруссия также готова на дальнейшие поставки этих ружей и боеприпасов к ним по вполне умеренным ценам. Причем пять тысяч стволов могут быть доставлены немедленно, а оплата за них может быть получена в рассрочку. Я уже переговорил с Василием Андреевичем Долгоруковым⁹, и мы пришли к общему согласию, что сие предложение весьма своевременно, и что этим оружием необходимо вооружить те войска, кои будут участвовать в Дунайской кампании.

– Прошу вас поблагодарить герра фон Бисмарка и дать согласие на предложение пруссаков. Продолжайте, Василий Андреевич.

– Кроме того, делегация прусских промышленников на днях отправилась в Россию, чтобы обсудить возможность взаимных поставок, а также более тесного сотрудничества с нашими фабрикантами и заводчиками. Фон Бисмарк прибудет сегодня в мое министерство для обсуждения этого визита. Кроме того, он просит вас принять его при первой же возможности.

– Полагаю, – добавил я, – что прусских промышленников интересует не только сотрудничество с нашими промышленниками, но и возможность заполучить некоторые технические новинки, которыми буквально наспигованы корабли нашей Эскадры. Тут следует за ними внимательно приглядывать и не давать им возможности совать свой любопытный

⁹ Генерал-адъютант князь Долгоруков – военный министр Российской империи с 1852 года.

нос туда, куда не следует.

– Это само собой, – улыбнулся император. – Следует внимательно проследить за нашими гостями и время от времени напоминать им о правилах приличия. А что касается вас, Василий Андреевич... Я попрошу вас сообщить прусскому послу, что буду рад принять его завтра в девять часов утра. Надеюсь, что и вы, Василий Андреевич, и вы, Андрей Борисович, сможете при этом присутствовать.

– Так точно, государь! – кивнул Перовский и продолжил: – Князь Горчаков доложил из Вены, что император Франц-Иосиф сообщил ему о том, что уже начат вывод австрийских войск из Дунайских княжеств согласно нашим договоренностям, а также отвод большей части имперских войск из Галиции и Трансильвании. Кроме того, вчера вечером в Петербург прибыл новый посол Австрии, уже известный нам Карл-Людвиг граф фон Фикельмон, который сегодня утром прислал в министерство просьбу об аудиенции для вручения вам, ваше императорское величество, верительных грамот.

Император чуть улыбнулся – все-таки фон Фикельмон был другом России, да еще и женатым на русской немке, Дарье Федоровне фон Фикельмон, урожденной графине Тизенгаузен, которая к тому же была внучкой фельдмаршала Кутузова. Причем иначе как политиком-тяжеловесом его не назовешь – он уже успел побывать министр-президентом¹⁰ Австрийской империи, пока его не вынудили подать в отстав-

¹⁰ Премьер-министром.

ку во время памятных событий 1848 года. «Неплохой ход со стороны фон Рехберга»,¹¹ – оценил я.

– Сообщите графу Фикельмону, что я буду рад видеть старого друга и его очаровательную супругу сегодня в четыре часа пополудни. Надеюсь, что вы сможете присутствовать и при этом событии, Василий Андреевич.

Перовский кивнул и продолжил:

– Кроме того, мы получили сведения о том, что Луи-Наполеон и королева Виктория намереваются встретиться в ближайшие дни, чтобы обсудить продолжение боевых действий против России. О мире они и не думают...

– Я в этом и не сомневался, господа, – усмехнулся император.

– Более того, – сказал Перовский, – мы уже докладывали вам, государь, об активности британской шпионской сети в Петербурге. Работая по ее обезвреживанию, мы обнаружили и другую сеть – французскую, которая давно уже резвилась в Петербурге. Впрочем, более подробно вам об этом доложит подполковник Смирнов – именно ему принадлежит заслуга их разоблачения.

Игорь прокашлялся и произнес:

– Ваше императорское величество, три дня мы держали под наблюдением дом на Казанской улице. Некоторые из подозреваемых нами личностей были замечены входящими и выходящими из этого дома. Вчера же они попытались захва-

¹¹ Нового министра иностранных дел Австрии; см. «Севастопольский вальс».

тить двух студентов Елагиноостровского университета – то есть молодых людей из будущего. Мы пресекли эту попытку, а заодно задержали всю их шайку, равно как и несколько других людей, связанных с этой группировкой. Боевой состав группировки – поляки. Их же соотечественниками оказались чиновники различных министерств, которые шпионили в пользу Франции. Кроме того, с ними сотрудничали коммерсанты, как русские, так и иностранцы; последние также использовались для связи с Парижем, равно как репортеры некоторых западных изданий. А руководил всем этим некто граф де Козан.

Выяснилось, что студентов намеревались под пытками допросить о происхождении нашей эскадры, а также получить у них как можно больше прочей информации.

– Под пытками? – недоверчиво переспросил Николай. – Господин подполковник, вы в этом уверены?

– В подвале дома мы обнаружили самую настоящую пыточную, в которой мы обнаружили следы крови на полу и на инструментах для пыток. По словам одного из душегубов, выполнявшего роль палача, там уже побывало семь человек самых разных возрастов и сословий, включая двух женщин. Но людей из Эскадры они смогли заполучить впервые.

После допросов трупы своих жертв они ночью топили в Мойке. Кто именно стал жертвой французов и поляков, мы пока не знаем. Но мы обнаружили тайник с записями, частично сделанными рукой де Козана. Нам удалось подобрать

ключ к шифру, и мои люди в данный момент изучают обнаруженные бумаги. А де Козан сначала кричал, что он-де иностранный подданный и мы не смеем его задерживать. Но в свете неопровержимых улик, когда до него дошло, что ему грозит смертная казнь, он вдруг запросил пощады и теперь активно рассказывает о своих «подвигах» так, что мои люди не успевают записывать.

– Это черт знает что! – неожиданно взорвался Николай. – У меня в столице орудует шайка убийц и похитителей людей, и возглавляет все это какой-то французский авантюрист! Господа, я обещаю, что все эти душегубы угодят на каторгу пожизненно! Я не буду настаивать на их повешении, хотя они этого вполне заслужили. Пусть эти мерзавцы сгниют в Сибири, каждый день желая побыстрее попасть в ад. Пытать и убивать женщин – это вообще ни в какие ворота не лезет!

Смирнов с полупоклоном сказал императору:

– Государь, граф Орлов подготовил проект указа о выдворении определенных категорий иностранцев из Санкт-Петербурга и Москвы, а также губернских городов. Отдельно к указу будет приложен список людей, подлежащих высылке за пределы Российской империи. Его светлость проведет негласную проверку чиновников в ряде министерств на предмет выявления вражеских агентов и потенциальных предателей. Кроме того, там идет речь и о тайном надзоре над иностранцами, пребывающими в Петербурге, кроме, ко-

нечно, дипломатов. Мы с графом собирались просить вас об аудиенции, но раз уж я здесь, то позвольте вам передать документы, подготовленные в канцелярии графа, – и он протянул Николаю кожаную папку.

– Благодарю вас, Игорь Васильевич, вас и Алексея Федоровича. Не соблаговолите вы вместе с ним сегодня посетить меня, скажем, в восемь часов вечера? Я за это время ознакомлюсь с проектом, и мы сможем его обсудить. – Тон Николая был внешне ровным, но в нем чувствовалась скрытая ярость.

– Будет исполнено, государь! Я сообщу об этом Алексею Федоровичу сразу после окончания заседания.

– Боже мой, какие каналы! – Император снова вспылil. Тут я подумал, что пора ковать железо, пока оно горячо – никогда я еще не видел Николая столь разгневанным, и та идея, которую я не знал, как и подать, сейчас была как нельзя кстати.

– Ваше императорское величество, – осторожно начал я. – Французский император Луи-Наполеон на самом деле узурпатор без тени легитимности. Более того, он, насколько мне известно, даже не родственник Наполеона – мать зачала его в тот период, когда она уже не сожительствовала с его отцом, принцем Луи Бонапартом. Зато она крутила шашни сразу с тремя любовниками, а именно: голландским адмиралом Веруэллом, неким Эли Деказом и шталмейстером двора Шарлем де Биланом. Без сомнения, отцом Луи-Наполеона явля-

ется один из них, тем более что на Луи Бонапарта Луи-Наполеон внешне совсем не похож.

– Мне это известно, Андрей Борисович.

– А вот принц Наполеон Жозеф Шарль Поль Бонапарт – законный сын Жерома Бонапарта, брата Наполеона I. Человек незаурядных способностей, немалого личного мужества, и при всем при том он честен.

– Да, я имел удовольствие познакомиться с ним лично, когда был в Крыму, – кивнул император. – Вообще-то я хотел ему предложить стать посредником между Россией и Францией, но он мне прямо сказал, что подобная затея не увенчается успехом из-за характера Луи-Наполеона. Кстати, он должен сегодня прибыть в Петербург; я распорядился выделить для принца гостевые покои Зимнего дворца.

– Ваше императорское величество, – сказал Смирнов. – Перед нашим совещанием мне доложили, что принц Наполеон, а также адмиралы Корнилов и Нахимов, генерал Хрулев и сопровождающие их лица только что прибыли на Николаевский вокзал.

– Благодарю вас за эти сведения, Игорь Васильевич. Андрей Борисович, извините, что я вас перебил.

Я чуть поклонился и продолжил:

– Принц Наполеон-Жозеф поначалу поддерживал своего мнимого кузена во всех его начинаниях. А вот с его планами войны с Россией он не был согласен и уехал на войну не только для того, чтобы показать свое личное мужество, но и

ввиду охлаждения отношений с кузеном из-за разногласий по этому вопросу. И, несмотря на поражение, после того как Наполеон-Жозеф договорился о почетных условиях капитуляции, пленные французские солдаты в Крыму его просто боготворят.

Государь, нам кажется, что принц Наполеон-Жозеф был бы намного лучшим императором Франции, нежели Луи-Наполеон. Тем более что он уже вряд ли когда-нибудь поднимет меч против России.

Николай задумался. Он подошел к окну кабинета, потом зачем-то поправил висевшую на стене картину с морским пейзажем, и лишь после этого повернулся ко мне и спросил:

– Да, но как вы собираетесь этого добиться?

«Ага, – подумал я с радостью. – Императору наша идея понравилась».

– Я предлагаю освободить принца Наполеона и всех французов, плененных при Бомарзунде, Севастополе и Евпатории, при условии, что они дадут честное слово никогда больше не воевать с Россией. После чего мы их сможем высадить, например, в Штеттине, договорившись с пруссаками о перевозке их по железной дороге до западных границ Пруссии. Там их можно будет вооружить устаревшим оружием тех частей, которые мы перевооружили, либо трофейными штуцерами. Ведь сейчас во Франции, после разгрома под Бомарзундом и под Севастополем, уже началось брожение недовольных императором Наполеоном III – и вполне вероятно,

что по дороге в Париж армия Наполеона-Жозефа будет разрастаться, как снежный ком.

– Да, но согласится ли Пруссия на транзит французов, пусть и безоружных, через их территорию?

– А вот здесь, как мне кажется, пруссаки могли бы полюбовно договориться с Наполеоном-Жозефом о предоставлении независимости Эльзасу и частям Лотарингии, о которых мы не так давно говорили с генералом фон Герлахом. Примерно так же, в нашей истории, сардинцы оплатили французам за поддержку в войне за объединения Италии Ниццей и Савойей. Полагаю, что то же может получиться и в данном случае. Ну, это уже дело фон Бисмарка и принца Наполеона. Мы к этому не должны иметь никакого отношения. «Я – честный маклер» – так когда-то сказал Бисмарк о себе.

– Ну что ж, Андрей Борисович. Поговорите с принцем и посмотрите, согласится ли он на подобное предложение. Вот только про Эльзас и Лотарингию пусть ему лучше скажут пруссаки.

5 (17) октября 1854 года. Санкт-Петербург

Мередит Катриона Худ Катберт, мать и путешественница

Эх, чувствовало материнское сердце беду. Как мне не хотелось отпускать Джимми в Европу... Но Джонни высмеял мои страхи и сказал, что не все же время им держаться за материнскую, сиречь мою, юбку. И я, увы, с огромной неохо-

той, но согласилась. Все-таки, подумала я, Джимми уже не тот круглоголовый увалень, который так трогательно собирал для мамы полевые цветы, бегал наперегонки с детьми наших невольников и играл с ними в бейсбол... К тому же мне пришла в голову мысль – пусть возьмет с собой сестру. Ведь жених ее умер, а нового в наших патриархальных краях было не так-то и просто найти. По крайней мере, нашего сословия.

В Англии, как я слыхала, неженатых молодых людей из хороших семей хоть пруд пруди. По крайней мере, об этом мне писал мой троюродный брат, которого тоже звали Джон. Он пообещал, что его сын, Алджернон, познакомит мою дочь со своими друзьями. Мы с супругом, подумав, решили, что благословение на брак может дать и Джимми – ведь не обязательно ждать ответа с другой стороны Атлантики.

Конечно, нас встревожили сообщения газет о том, что на Балтике начались боевые действия. Джонни даже купил атлас, и оказалось, что Балтика достаточно далека от Англии. Так что мы немного успокоились. И когда у нас в газетах написали про победу русских над англичанами, мы даже обрадовались – пусть у нас с Джонни предки и из Англии, но мы не забыли ни войны за нашу независимость от их тирана, ни двенадцатый год, когда они сожгли Вашингтон, ни недавние страсти с нашим Орегоном¹², от которого они сумели оття-

¹² В состав Орегонской территории входили теперешние штаты Вашингтон, Орегон и Айдахо, а также теперешняя канадская провинция Британская Колум-

пать половину.

А пятнадцатого сентября нам пришло письмо от моего кузена, в котором он сообщил нам, что Алджи, Джимми и Мейбел ушли в море на яхте некоего Альфреда Черчилля. Они решили отправиться на Балтику, и, по рассказам очевидцев, их яхта была уничтожена во время боев при какой-то крепости с варварским русским названием Bomarsund. Яхтсмены, которые предпочли держаться подальше от места, где велись боевые действия, разглядели в подзорные трубы, что русские выудили кого-то из воды. Но что с ними стало потом, неизвестно. Мы даже представить себе не могли, что русские сделают с нашими детьми, попадись Джимми и Мейбел к этим извергам в руки. Ведь они, как нам написал кузен, азиаты, и им не свойственны такие чувства, как сострадание к ближнему или бескорыстие.

Я потребовала, чтобы муж отпустил меня в Россию. Мне почему-то показалось, что именно я сумею вытащить наших детей из русских застенков, если они, конечно, живы. Он чуть подумал и сказал:

– Хорошо. Только с одним условием – мы едем в Россию вместе.

Мы попросили моего папу позаботиться о нашем имении и наших младшеньких.хлопот, как мы прикинули, у него

бия. В 1824 году САСШ добились согласия России на уступку ее прав на побережье этой территории, а в 1846 году они договорились с Британской империей о ее разделе по 49-й параллели, и о том, что остров Ванкувер (не путать с городом Ванкувером) также останется во владении Британской империи.

будет немного – наш управляющий, Леонард, вполне со всем справится, даром что невольник.

Семнадцатого числа мы с Джоном отчалили на грузовом судне из Саванны. Второго октября мы уже были в Ливерпуле, откуда поехали ночным поездом в Лондон. Кстати, несмотря на то что мы ехали в первом классе, кто-то украл портмоне мужа и мой ридикюль, но нам повезло – деньги, которые мы везли для выкупа наших детей, были предусмотрено зашиты в мой корсет...

В Лондоне, к нашему счастью, кузен Джон оказался на месте. И тут мы впервые услышали хорошую новость – Альфред Черчилль, тот самый, кому принадлежала яхта, каким-то образом сумел прислать из России родителям письмо, из которого следовало, если отбросить все диатрибы в адрес «проклятых русских», что Алджи, увы, погиб, но «некоторые другие пассажиры выжили и находятся там же, где и я». Что за пассажиры, он не счел нужным написать, но мы сразу же купили билеты на пароход до Копенгагена – так именуется столица Дании, – чтобы попробовать хоть как-нибудь пробраться в это «царство зла», как называл Российскую империю кузен.

В Дании народ отнесся к нам весьма прохладно, но как только люди узнавали, что мы не англичане, а граждане Североамериканских Соединенных Штатов, все тут же становилось весьма дружелюбными. Нам рассказали, что наши английские «кузены» дважды уничтожали их столицу, причем

во второй раз, в 1807 году, даже несмотря на отсутствие войны между обеими странами. Да, подумала я, хорошо, что мы отвоевали свою независимость от этих разбойников.

Североамериканские Соединенные Штаты никогда так себя не поведут, сказала я себе, хотя мне почему-то вдруг вспомнилось, что мы не очень хорошо поступили с Пятью цивилизованными племенами при президенте Эндрю Джексоне¹³, а также с мексиканцами в 1848 году, когда мы отобрали больше половины их территории.

В Копенгагене мы узнали, что после того, как русские очистили Балтику от англичан и французов, пароходное сообщение до Санкт-Петербурга полностью восстановлено. Нам помогли купить билеты на один из пароходов, и, наконец, рано утром мы прибыли в морской порт этого, нужно признать, необыкновенно красивого города, хотя нам, как вы понимаете, было не до его красот. Куда обращаться, что делать, мы не знали, но услышав, что мы ищем детей, таможенник улыбнулся и сказал нам по-французски:

– Не бойтесь, мадам, здесь никто не тронет граждан Североамериканских Соединенных Штатов – ведь мы с вашей страной не воюем. И если бы даже воевали, к гражданским лицам это не относится. А вот где бы узнать о ваших детях... Попробуйте навести справки в канцелярии обер-полицмей-

¹³ Имеется в виду выселение племен чероки, чокто, чикасо, криков и семинолов в Оклахому в 1832 году, когда, по разным оценкам, от тридцати до шестидесяти процентов индейцев погибли во время марша, известного как «Тропа слез».

стера. Она находится в двух шагах от Дворцовой площади. Вам надо будет войти под большую арку с бронзовой квадригой наверху и пройти по улице, которая называется Большой Морской – канцелярия будет слева.

Вы сразу узнаете дом обер-полицмейстера – это большое четырехэтажное здание, на крыше которого установлена каланча и мачта оптического телеграфа. Приемная находится на третьем этаже, и именно там вы сможете попробовать получить информацию о судьбе ваших детей. Впрочем, вы можете спросить о том, где находится дом обер-полицмейстера, у любого прохожего. Очень многие жители Петербурга неплохо изъясняются по-французски. Мадам, мсье, желаю вам удачи и надеюсь, что с вашими детками все в порядке.

И вот мы стоим на самой красивой площади, какую я когда-либо видела в своей жизни. И знаменитые площади в Саванне, и даже Трафальгарская площадь в Лондоне выглядели по сравнению с ней площадками для торга в рыночные дни в какой-нибудь захолустной деревеньке. Я повернулась к парочке, прогуливавшейся недалеко от причала, и хотела было спросить, как пройти к дому обер-полицмейстера, но пока я мучительно подбирала слова по-французски, девушка, гулявшая под руку с каким-то молодым человеком, вдруг радостно заверещала:

– Здравствуй, мамочка! Здравствуй, папочка! Как я рада вас видеть!

Она бросилась к нам и стала обнимать по очереди меня и

Джона, несмотря на все понятия о приличиях. Если вы еще не догадались, то да, это была моя Мейбел.

5 (17) октября 1854 года.

Российская империя. Кронштадт

Контр-адмирал Дмитрий Николаевич Кольцов

Я мечтал об этой встрече с того самого момента, когда мы все по неведомой до сих пор причине угодили в XIX век. Еще немного, и я их увижу – легендарных адмиралов Нахимова и Корнилова, моих кумиров с молодости. Самых настоящих, что называется, во плоти.

Павел Степанович и Владимир Алексеевич прибыли в Петербург вчера на курьерских, по вызову императора.

А началось все с того, что, вернувшись в столицу из Севастополя, Николай переговорил со мной, рассказав о положении дел в Крыму и Тавриде. Из сообщений наших радистов я в общих чертах уже знал о том, что происходило в тех местах. Но из уст императора мне довелось услышать подробный и обстоятельный рассказ о славных делах наших ребят, стараниями которых французский флот был разбит, а английский, потеряв несколько кораблей, бесславно бежал от Крыма, «позабыв» там не только французов и турок, но и часть своего экспедиционного корпуса.

Еще до его крымской поездки, узнав обо всем происходящем из донесений Александра Хулиовича Сан-Хуана, Николая Максимовича Домбровского и других офицеров, мы

обсудили дальнейшие наши планы. Император согласился с нашими доводами о том, что нужно не дать противнику перегруппироваться и подтянуть свежие резервы из метрополий. А это можно было сделать, только устроив «продолжение банкета», то есть перенести боевые действия на западное побережье Черного моря и начать новую кампанию, которая должна будет завершиться полной нашей победой и взятием Константинополя.

Император сообщил мне, что он решил назначить генерала Хрулёва командующим операцией, и что капитан – простите, уже полковник Гвардейского Флотского экипажа – Александр Хулиович Сан-Хуан предложил осуществить дерзкую десантную операцию для захвата порта Бургас, который в нашей истории превратился в столицу южной части болгарского Причерноморья. Бургас контролировал дорогу вдоль берега моря, и он мог послужить отличным плацдармом для последующего удара небольшого, но хорошо подготовленного отряда в тыл туркам, охраняющим Шипкинский перевал. Это позволило бы русским войскам перевалить через горы и начать победоносное наступление на Адрианополь, либо нанести удар на Люлебургаз и далее на Константинополь.

Тут-то я и рассказал императору о том, до чего додумались мои орлы, пока он был в отъезде. Капитаны 2-го ранга Борисов и Сергеев – их тоже повысили в чине за участие в сражениях на Балтике – после окончания боевых действий

маялись от безделья. Их корабли стояли на Кронштадтском рейде и в море не выходили. Экипажи занимались боевой учебой, а командиры о чем-то кумекали, засев за карты, полученные из Военного министерства. Похоже, что они задумали какую-то каверзу для французов и британцев.

Неделю назад они пришли ко мне, заговорщицки улыбаясь.

– Дмитрий Николаевич, – сказал командир десантного корабля «Мордовия» Николай Иванович Сергеев, – мы тут с моим тезкой подумали, прикинули, и вот что решили. Вы не в курсе, планируются ли десантные операции на Черном море?

Я осторожно ответил Сергееву, что точно мне ничего не известно, но разговоры на этот счет были.

Борисов и Сергеев торжествующе переглянулись.

– Дмитрий Николаевич, – с улыбкой сказал командир сторожевика «Выборг» Николай Михайлович Борисов, – мы полагаем, что наши корабли там могли бы весьма пригодиться. Особенно «Мордовия», которая может высадить на необорудованный берег десантников с боевой техникой. А мой «Выборг» своей артиллерией разнесет в щепки любой неприятельский боевой корабль.

– Все это так, – согласился я. – Только как «Мордовия» и «Выборг» попадут на Черное море? По воде им это сделать невозможно, а посуху корабли ходить еще не научились.

– А как попал на Черное море «Денис Давыдов»? – вопро-

сом на вопрос ответил Сергеев.

– Николай Иванович, – я недовольно посмотрел на командира «Мордовии», – но вы ведь прекрасно знаете, что «Денис Давыдов» сумел вписаться в габариты Березинского канала. А ваши корабли для него великоваты. Так что – увы и ах...

– А вот тут вы не совсем правы, Дмитрий Николаевич, – с хитрой улыбкой сказал Борисов. – Мы тут с Николаем Ивановичем посидели, померили, и пришли к выводу, что пройти нашим кораблям по Березинскому каналу и попасть потом по Днепру в Черное море вполне возможно. Трудно – да, рискованно – да, но возможно. Вот, посмотрите...

Он разложил на столе моей каюты карты и стал мне докладывать, водя по ней указкой.

– По Западной Двине наши корабли пройдут без особых проблем. Конечно, с них следует снять все лишнее и по максимуму облегчить их. К тому же для сохранения топлива и моторесурса лучше будет вести их на буксире.

Когда же мы подойдем к шлюзам, то первой по каналу пойдет «Мордовия». Николай Иванович, расскажите, как вы будете форсировать эту водную систему.

– Дмитрий Николаевич, – сказал Сергеев, – вы прекрасно знаете, что «Мордовия» – это корабль на воздушной подушке. А сие означает, что он может двигаться не только по воде, но и по суше. Причем ему доступны даже препятствия, не превышающие по высоте полтора метра. Потому глубина

канала для «Мордовии», собственно, не имеет особого значения. Если же корабль не будет вписываться в канал по ширине, то он может просто обойти по суше узкий участок. Для этого надо только убрать вдоль его берегов все препятствия. Специальный отряд будет следовать впереди «Мордовии», спиливая деревья и все мешающее ее движению. Бензопилами мы этот отряд обеспечим, а насчет рабсилы – я думаю, этим нужно озаботить местное начальство.

Я понимающе кивнул.

– Как только император вернется в Петербург, я немедленно подниму этот вопрос, и, насколько я успел его узнать, проблем с помощью рабсилой не будет. Ну, хорошо, допустим, нам удастся «пропихнуть» «Мордовию» до Березины и Днепра. А вот как нам быть с «Выборгом», Николай Михайлович?

Капитана 2-го ранга Борисов улыбнулся и ответил:

– Насчет «Выборга» я тоже все продумал. Для начала мы его максимально разгрузим. Все лишние вещи и грузы, без которых можно обойтись во время перехода по Березинской водной системе, следует складировать на баржи и вести на буксире за «Выборгом».

Конечно, скорость передвижения моего корабля по каналам будет помедленней, чем у «Мордовии». Но мои ребята проанализировали информацию о глубине канала и шлюзов, переданную с «Дениса Давыдова», и мы теперь абсолютно уверены в том, что «Выборг» сумеет протиснуться

сквозь шлюзы и проползти над мелями, используя понтоны, подведенные к борту корабля для уменьшения его осадки. Здесь эта штука хорошо известна со времен императора Петра Алексеевича. Называются они камели. После закрепления парных понтонов, заполненных водой в качестве балласта, под днищем корабля, балласт откачивали с помощью ручных помп, и камели вместе с кораблем всплывали. В таком состоянии корабль был готов к проводке по мелководью. Выйдя на глубокую воду, балласт в камелях заполнялся снова, и корабль снимался для самостоятельного плавания. В России с помощью камелей выводились в Балтийское море корабли, построенные на Ладогe и на Свири.

Николай Иванович, ознакомившись с нашими выкладками, согласился, что «Выборг» вполне можно провести в Черное море. А там тот скажет свое веское слово во время проведения десантных операций и блокирования Босфора.

Вот такой случился у меня разговор с двумя Николаями. А теперь я докладывал о его результатах третьему Николаю – императору. Сообщив ему о предложении командиров «Мордовии» и «Выборга», я добавил, что следует на все время войны приостановить любые коммерческие перевозки по Березинской водной системе, чтобы какой-нибудь плашкоут случайно (или не случайно – противник наш не дремлет!) не затонул на подходе к одному из шлюзов и наглухо не закупорил стратегически важный для нас путь «из варяг в греки».

Царь выслушал мой доклад и, немного подумав и ознако-

мившись с расчетами – все-таки он по образованию был военным инженером, причем неплохим, – согласился с моими доводами. Он обещал запретить на время военных действий все коммерческие перевозки по каналам Березинской системы, а также обязать губернаторов тех местностей, по территории которых осуществляются перевозки грузов в Причерноморье, оказывать нам всяческое содействие и помощь.

– И пусть только какая-нибудь каналья попробует помешать вашим перевозкам! – неожиданно воскликнул самодержец. – Я его, мерзавца, в Сибирь упеку, или еще куда подальше!

– Эх, Дмитрий Николаевич, – заметив мой удивленный взгляд, уже спокойно произнес Николай, – если бы вы знали, как порой бывает трудно сдержаться, когда узнаешь о безобразиях и воровстве подданных. Хочется иной раз вспомнить деяния моего великого предка Петра Великого, который вешал казнокрадов на площадях и рубил им головы.

Император махнул рукой и отвернулся в сторону, видимо, пытаясь совладать со своими эмоциями. Я индифферентно поглядывал по сторонам, делая вид, что не заметил вспышки монаршего гнева.

– Дмитрий Николаевич, – лицо Николая снова стало строгим и спокойным, – полагаю, что было бы неплохо вызвать в Петербург адмиралов Корнилова и Нахимова, а также генерала Хрулёва, чтобы они, наконец, лично встретились с вами и оценили возможности кораблей вашей эскадры. Боевые

действия сейчас на Черном море пока не ведутся, а двигать Дунайскую армию вперед невозможно – австрийцы еще не очистили занятые ими Дунайские княжества. Так что недели две, которые они проведут в пути и здесь, в Петербурге, никак не отразятся на наших делах в Крыму. Думаю, что и присутствие полковника Сан-Хуана также будет кстати, ведь он – самый опытный сухопутный командир вашей эскадры. А генерал Хрулёв сможет затем отбыть в Измаил, который и станет местом сосредоточения наших войск. Вы согласны с моим предложением?

– Так точно, ваше императорское величество!

– Тогда я свяжусь с Севастополем по радиации, – тут Николай весело улыбнулся, уж очень нравилось ему это слово, – и приглашу их на совещание.

И вот теперь я стоял под морозящим дождем и смотрел на катер, который резво мчался по свинцовым водам Маркизовой лужи к борту БДК. Все было готово к торжественной встрече дорогих гостей...

17 октября 1854 года.

Пивная «La Mère Catherine»

Генри Ричард Чарльз Уэлсли, лорд Каули, посол Соединенного королевства в Париже

Когда-то это здание принадлежало местному монастырю, который прекратил свое существование во время их проклятой Французской революции. Впрочем, еще наш Генрих VIII

решил, что монастыри нам без надобности, и упразднил их всех, попутно резко пополнив государственную казну. Так что по бывшему французскому монастырю на месте «мамы Катерины»¹⁴ я плакать не буду – впрочем, я даже не знаю, как он назывался.

А вот ресторан получился на славу – темное дерево, которое повидало множество поколений монахов. Неброское освещение, неплохая еда и пиво, которое, конечно, не сравнится с нашим «горьким»¹⁵, но которое, в отличие от большинства местных сортов, пить вполне можно. А главное – наличие отдельных кабинетов на втором этаже, которые ранее служили кельями для монастырского начальства. Именно поэтому я назначил встречу тут, в этом укромном месте. Конечно, здесь еще и раза в четыре дешевле, чем, например, в Ля Куполь – а в месячном отчете я укажу именно ту сумму, которую потратил бы там.

Я прибыл минут за пятнадцать до назначенной встречи. Знакомый еще с детства (когда послом в Париже был мой покойный отец) пожилой официант сервировал стол на двоих, и принес по моей просьбе напитки: неплохого (но не самого дорогого) вина, коньяка трехлетней выдержки и, на всякий случай, кувшин с пивом. Но мсье поляк – будь все эти восточные европейцы прокляты – появился только спустя четверть часа после назначенного времени. Более того, пришел

¹⁴ Именно так переводится название ресторана.

¹⁵ Bitter – типичный английский эль.

некий молодой человек, а не тот, которого я ожидал увидеть.
– Милорд¹⁶ Каули? Меня зовут князь Владислав Чарторыйский.

Интересно, подумал я. Сын самого Адама Ежи Чарторыйского. А вслух сказал:

– Но я ожидал увидеть генерала Дембинского...

– Генерал болен и приносит свои извинения. Он просил передать вам это письмо.

Хотя я с генералом никогда не встречался, почерк его был мне знаком, и письмо было определенно написано его рукой. Из него я узнал, что генерал и в самом деле приболел, но сыну его старого друга князю Чарторыйскому я могу доверять, как ему самому. А почерк-то не похож на почерк тяжело больного человека... Понятно... Если что-нибудь пойдет не так, то генерал «ничего не знал», а молодой человек мог «неправильно понять» то, что я ему скажу.

Как и полагалось, мы сначала пообедали, причем я заметил, что принц ел быстро и жадно, как будто он успел оголодать. А потом, за коньяком, я перешел к деловой стороне нашей встречи.

– Мой принц¹⁷, мы с огромным уважением относимся к стремлению великой польской нации к свободе и готовы ока-

¹⁶ *Милорд* – не титул, а английское *my lord* («мой лорд»), ставшее во французском обращении для английских лордов.

¹⁷ Принцем во Франции, как, впрочем, и в Англии, именуются не только принцы крови, но и иностранные князья.

заты посильную помощь в этом благородном деле. Надеюсь, что отель «Ламбер»¹⁸ не откажется от сотрудничества.

– Милорд, я так понимаю, что сотрудничество это вы афишировать не хотите, иначе мы с вами встречались бы не в этом заведении в здании, которое по праву должно быть монастырем, а либо в вашем посольстве, либо у нас в отеле «Ламбер».

«А он не дурак, – подумал я. – Или ему растолковали, что к чему?»

– Скажем так, мой принц, негласное сотрудничество может принести нам больше выгод.

– И что же вы можете нам предложить?

– Финансовую помощь – ее можно будет завуалировать под кредиты либо деловые контакты.

Усмешка на лице моего визави показала мне, что он в курсе, как делаются подобные дела. И я продолжил:

– Поддержка дипломатическими и другими методами. Поставка вооружений – частично в кредит, частично в дар великому польскому народу. Разведывательная информация.

– Милорд, все это нам, конечно, не помешает, и польская нация вам будет очень благодарна. Но мне с трудом верится, что подобные предложения обусловлены лишь благоотво-

¹⁸ Hôtel Lambert – частный особняк на парижском острове Сен-Луи, который принадлежал Чарторыйским и являлся политическим центром польской эмиграции во Франции.

рительностью с вашей стороны. Понятно, что вам хотелось бы новой редакции событий тридцатого года. Но вряд ли это единственное, что вас интересует.

– Вы весьма проницательны, мой принц, – с вымученной улыбкой ответил я – молодой человек и в самом деле оказался весьма проницательным. – Во-первых, во французском правительстве нет министров-поляков¹⁹, зато поляки есть на ряде ключевых должностей как в министерствах, так и в армии и флоте.

Чарторыйский чуть заметно кивнул.

– Так вот. На данный момент меня устраивает политика вашего императора. Тем не менее после поражения в Крыму нам стало известно, что среди ваших военных появились люди, которые, скажем так, хотят примириться с русскими.

– И не всегда довольны действиями англичан, – продолжил Чарторыйский. – Да, такие люди есть. И не только среди военных.

– Нельзя ли было бы получить список таких людей?

– Боюсь, милорд, что он будет слишком уж длинным, – горько усмехнулся тот. – Многие недовольны как тем, что произошло в Крыму, так и известными вами событиями на Балтике. И их предысторией.

«Намекает, паршивец, на плохое обращение с их солдатами на борту наших кораблей, – подумал я. – Увы, намек

¹⁹ В реальной истории граф Александр Валевский стал министром иностранных дел в 1855 году.

вполне справедлив».

– Если мы получим хоть частичный список, мы сможем предоставить эту информацию императору.

– Да, будет, наверное, лучше, если эта информация попадет к нему не через наших людей. Тем более, он до сих пор в полной уверенности, что недовольных его политикой во Франции нет. Но я полагаю, это не единственное, что вас интересует.

– Вы правы, мой принц. Второе – нам необходимо знать о любых готовящихся правительством либо другими влиятельными центрами силы событиях. Начиная с того, что еще не подлежало бы огласке.

Чарторыйский вновь чуть наклонил голову:

– Хорошо, милорд, эту информацию мы можем вам предоставить немедленно – а также ставить вас в известность, как только нам станет известно о каких-либо новых планах такого рода.

– Благодарю вас, мой принц. И, наконец, нам бы очень хотелось познакомиться с людьми, которым можно было бы поручить некие... скажем так, весьма деликатные задания.

– О которых отелю «Ламбер» лучше не знать, правильно я вас понял, милорд?

– Именно так, мой принц.

– Да, милорд, такие люди есть среди польской эмиграции, хотя они не связаны с отелем Ламбер.

– Но вы их знаете, мой принц.

– Лично я с ними не знаком, но у нас есть общие знакомые. Полагаю, что они не откажутся от встречи с вами.

– Хотелось бы это сделать в достаточно скором времени.

– Полагаю, что это можно будет организовать. Надеюсь, что представитель ваших людей сможет посетить вас...

– Здесь же, послезавтра, в то же время?

– Хорошо. Об оплате их услуг вам придется договариваться с ними напрямую. А вот нам будет срочно нужна определенная сумма денег – причем указанные вами выше методы займут слишком много времени. Хотелось бы получить их наличными, и еще до вашей встречи с паном... впрочем, пока не знаю, с кем именно.

– Ее мы могли бы провести как одноразовый бонус. Например, положить ее на ваш счет в банке Ротшильдов. Либо на счет любого частного лица.

Чарторыйский покачал головой:

– Мне кажется, ни в ваших, ни в наших интересах, чтобы Ротшильды узнали о подобной сделке. А их это заинтересует. Мы предпочли бы наличные. Их мой человек мог бы забрать по любому названному вами адресу.

Я, подумав, указал адрес одного ирландца, который хоть и считается сторонником ирландской независимости, но уже давно работает на нас.

– Пусть ваш человек скажет, что он от мсье О’Даффи.

– Хорошо, – ответил Чарторыйский и дописал на той же бумажке пятизначное число. Я ожидал, что аппетиты моих

новых польских друзей будут нескромными, но не до такой же степени... Я переправил первую пятерку на двойку, на что тот заметил:

– Милорд, мы с вами – люди благородного происхождения, а не торгаши. Увы, мне придется настоять на первоначальной сумме. Причем если вас это не затруднит, «наполеонами»²⁰.

– Ясно, мой принц, – сказал я со вздохом. – Договорились. Сумму я запомнил.

– Да, милорд, – улыбнулся тот одними губами. – Один из нас навестит вашего знакомого завтра, скажем, в два часа пополудни. А информацию, о которой мы договорились, вам доставит мой знакомый и передаст при вашей встрече.

После чего принц поднес бумажку к пламени свечи, поджег ее и бросил в медную пепельницу, стоявшую на столе.

5 (17) октября сентября 1854 года.

Севастополь. Здание Морской библиотеки

Даваева Ольга Кирсановна, невеста

Это красивое, выстроенное из белого инкерманского камня трехэтажное здание с недавних пор стало чем-то вроде кают-компаний, где собирались офицеры кораблей Черноморского флота и частей Севастопольского гарнизона, дабы разделить радость или горе, сообщить полученную новость или просто увидаться с товарищами. Поэтому именно сюда отец

²⁰ «Наполеон» – золотая монета достоинством 20 франков.

пригласил наших друзей и знакомых, чтобы объявить о моей помолвке.

– Дамы и господа, имею честь представить вам свою дочь Ольгу. А это – ее жених, поручик Александр Николаев, хирург. – Папá сделал полупоклон Саше, который в этот раз был в новом парадном мундире, построенном одной знакомой портнихой, которая сшила и мой сиреневый кринолин. Сашин мундир сидел на нем как влитой, и любимый выглядел в нем элегантно. Папá между тем продолжил:

– Господа, я благодарен поручику Николаеву за то, что он спас мне жизнь. Да-да, именно спас. Ведь если бы он не сделал мне вовремя операцию, то я бы сейчас здесь с вами не разговаривал. Впрочем, дочь моя его полюбила не только за это. Что я могу сказать? Только одно – совет вам да любовь. Но помните, поручик, если вы обидите мою дочь, то пеняйте на себя! – тут папá улыбнулся, показывая, что это всего-навсего шутка. Но как любит говорить Александр, в каждой шутке есть доля правды, и я не сомневаюсь, что, приди я к родителю жаловаться на Сашу, то папá вспомнит про гордые традиции калмыков, и Саше несдобровать. Именно поэтому я никогда не буду ябедничать на него отцу.

Саша поклонился папá и сказал:

– Господин есаул, я клянусь перед Богом и перед людьми, что всегда буду любить вашу дочь, и сделаю все, чтобы она была со мной счастлива.

Тут он достал из кармана коробочку с бриллиантовым ко-

лечком и надел его мне на палец. Я охнула – настолько камень вдруг заиграл и заискрился в лучах солнца. Гости зааплодировали.

А потом папá взял нас за руки, вывел на улицу, где его денщик развел костер, и три раза провел нас вокруг огня. Да, конечно, он был православным, но костер – непременный атрибут всех калмыцких свадеб, а папá гордится тем, что в его жилах течет кровь кочевников, сражавшихся когда-то под знаменами самого Чингисхана. Ведь он происходил из племени тургаутов – гвардейцев дневной стражи «потрясателя вселенной». Об этом мне рассказывала бабушка, мама отца.

Впрочем, это стало единственным, что напоминало о калмыцких традициях – почти все гости с нашей стороны были хоть и казаками, но не калмыками. Со стороны жениха присутствовали его коллеги-врачи (милейший Иван Иванович Кеплер играл роль названного отца жениха), поручик Витольд Домбровский с супругой Анастасией и несколько других офицеров, во главе со штабс-капитаном Гвардейского экипажа Павлом Филипповым. Увы, Сашин лучший друг, Коля Домбровский, уехал недавно в столицу, а другой, Юра Черников, вчера отправился в Одессу вместе с госпиталем доктора Пирогова.

Само же венчание будет еще нескоро. Послезавтра мой Сашенька тоже уезжает в Одессу; ему дали отсрочку на три дня для нашей помолвки. Я попросила у Юры, чтобы он за-

числил и меня в сестры милосердия. Он-то согласился, да вот родительского благословения я так и не получила. Папá, услышав мою просьбу, сердито буркнул:

– Нечего барышням по войнам шастать. Не женское это дело, даже и не проси.

А потом я узнала, что доктору Кеплеру, который рвался в Одессу, тоже было отказано в его просьбе с указанием, что флот скоро примет участие в грядущих баталиях, и что Иван Иванович нужен будет здесь, в Севастополе. После этого они с Сашей набросали программу дальнейшего обучения врачей. А еще было там написано про открытие курсов для барышень по уходу за ранеными, тем более что одна из девиц Крестовоздвиженского сестричества, княгиня Лыкова, перенесла такую же болезнь, как и мой папá, и было решено оставить ее в городе. Она уже кое-что умеет делать по медицинской части и вполне может нас этому научить.

К моему великому удивлению, когда я побежала к отцу и рассказала ему обо всем, он, подумав, согласился отпустить меня на эти курсы, правда, покачал головой и пробормотал при этом:

– Авось перебесится.

«Ага, а вот и нет, – подумала я. – Скоро есаулу Даваеву будет дозволено после излечения вернуться в свою часть. И тогда я первым делом попрошусь отправить меня туда, где будет находиться мой сердечный друг, милый Сашенька. Эх, поскорее бы!»

Когда мы вошли обратно в зал Морской библиотеки, то увидели, что там уже расположился небольшой оркестр, и в его составе был сам Игорь Шульгин, кумир молодых сева-стопольских девушек. Игорь поклонился, поцеловал мне руку, дружески обнялся с улыбающимся Сашей и вдруг запел под звуки музыки:

Тихо плещет волна,
Ярко светит луна...

И Саша закружил меня под мелодию этого прекрасного вальса. Сначала мы танцевали одни, но постепенно к нам присоединился Иван Иванович со своей супругой, немолодой, но все еще стройной Луизой Мартыновной. Ну, а потом то один, то другой из приглашенных гостей приглашал даму на танец и вел ее в центр залы. И даже Витя Домбровский, все еще на костылях, стоял вместе с Настей и делал крохотные шажки.

А Игорь все пел и пел своим божественным баритоном:

Севастопольский вальс,
Золотые деньки;
Мне светили в пути не раз
Ваших глаз огоньки.
Севастопольский вальс
Помнят все моряки.
Разве можно забыть мне вас,

Золотые деньки!

Саша вдруг шепнул мне:

– Вот так и твоих глаз огоньки будут мне светить в пути...

5 (17) октября 1854 года.

Российская империя. Кронштадт.

Борт БДК «Королев»

Контр-адмирал Дмитрий Николаевич Кольцов

Командир БДК капитан 1-го ранга Алексей Иванович Сомов отдал команду сыграть «Большой сбор», чтобы достойно встретить высоких гостей. Экипаж «Королева» выстроился на верхней палубе, наготове был почетный караул, а вместо оркестра наши специалисты из БЧ-4 приготовились запустить «Встречный марш» и гимн «Боже, царя храни» по корабельной трансляции. Все должно было быть в полном соответствии с Корабельным уставом ВМФ.

Оба адмирала были выше меня по чину и, тем более, по старшинству. Поэтому я приготовился лично встретить их. Вот катер подошел к правому трапу «Королева», и сигнальщик протрубил «Захождение». Корнилов и Нахимов ловко перескочили с борта катера на трап и помогли генералу Хрулёву, который, как все сухопутные военачальники, немного робел, попав на военный корабль. Я, как положено по уставу, подал команду «смирно!».

Когда высокие гости ступили на палубу БДК, заиграл

«Встречный марш», а я, приложив ладонь к фуражке и чекая шаг, направился к адмиралам. Скажу по-честному – было весьма волнительно увидеть тех, кого раньше знал лишь по картинам, посвященным обороне Севастополя. По их лицам я понял, что и они сильно взволнованы и с любопытством осматривают БДК, так не похожий на привычные им парусные фрегаты.

– Господин вице-адмирал, – отрапортовал я старшему по должности Владимиру Алексеевичу Корнилову, – экипаж большого десантного корабля «Королев» для встречи построен. Командующий эскадрой контр-адмирал Кольцов.

Я опустил руку, то же самое сделали адмиралы и генерал Хрулёв. Но тут над палубой зазвучал гимн Российской империи, и все снова приложили руки к головным уборам.

Потом мы все вместе прошли перед строем и в сопровождении командира БДК капитана 1-го ранга Сомова отправились в кают-компанию. Там и должно было пройти наше совещание, на котором мы обсудим, как нам далее воевать против англичан и французов.

– Да, Дмитрий Николаевич, – покачал головой Корнилов, когда мы расселись на стульях вокруг большого стола. – Если бы я не знал, что такое может быть на самом деле, то, увидев ваш корабль, непременно бы подумал, что мне все это снится. Однако замечательные корабли научились делать у нас в России в XXI веке.

– В XX веке, Владимир Алексеевич, – ответил я. – Воен-

но-морской флаг был поднят на «Королеве» 5 января 1992 года. С тех пор он достойно представлял его на многих морях и океанах. А в вашем времени наш корабль славно повоевал, спасая от захвата противником крепость Бомарзунд.

– Мы слышаны-с о ваших подвигах на Балтике, – вступил в разговор адмирал Нахимов. – Это ж надо такое – разгромить объединенный англо-французский флот, да так, что почти все его корабли спустили флаги-с и сдались на милость победителя!

– Павел Степанович, – я посмотрел на прославленного героя «севастопольской страды», – тут все просто – разве враг мог устоять против оружия, о котором в этом мире никто еще даже и не слышал? К тому же отлично поработали наши морские пехотинцы, которые с помощью гарнизона Бомарзунда пленили французский корпус генерала Барагэ д’Илье. Ну, и вертолеты – вы их уже видели в деле.

Адмиралы дружно закивали, а генерал Хрулёв сказал, что с такими чудо-богатырями, как наши морпехи, он готов отправиться хоть в ад, чтобы пленить там самого Сатану.

Не скрою, мне было приятно выслушать похвалы от столь храбрых людей, которые до конца защищали Севастополь в нашей истории. Но пора было заканчивать с комплиментами и поговорить о делах насущных. Я взял, что называется, быка за рога.

– Господа, у нас есть несколько предложений по ведению боевых действий на Черном море. Да, противник потерпел

поражение в Крыму, но война еще не закончилась. Англия и Франция – сильные в военном отношении державы. Одна – на море, вторая – на суше. К тому же против нас воюют еще и турки. Пока мы окончательно не разгромим наших противников и не заставим их запросить мира, о нашей полной победе не может идти и речи.

– Полностью согласен с вами, Дмитрий Николаевич, – кивнул генерал Хрулёв. – И поскольку объединенный флот союзников вряд ли теперь осмелится появиться на Черном море, основные сражения будут на суше. Как в Дунайских княжествах, так и на Кавказе.

– Я бы не стал спешить с таким выводом, Степан Александрович, – ответил я. – Как ни крути, а у союзников осталось еще достаточно кораблей, чтобы добиться перевеса над нашим Черноморским флотом. К тому же французы попытаются использовать последний козырь – ввести в бой творения своего талантливого кораблестроителя Дюпюи де Лома – плавучие броненосные батареи. Император Наполеон III отдал приказ об их строительстве, и на верфях Франции уже вовсю идет работа. Учитывая сложившуюся обстановку, французы могут форсировать работы над ними, и вполне вероятно, что к началу будущего года три из них – «Лавэ», «Тоннант» и «Девастасьон» – могут быть готовы к бою.

– Дмитрий Николаевич, – спросил Корнилов, который был энтузиастом строительства паровых кораблей, – а что представляют собой эти корабли? В свое время я был зна-

ком с мсье Дюпюи де Ломом. Два года назад он был назначен французским императором главой Корпуса корабельных инженеров. Помнится, при той нашей встрече он горячо убеждал меня, что боевые корабли должны быть защищены броней, которая спасет их от снарядов бомбических пушек. Значит, он осуществил свою идею?

– В общем, да, – ответил я. – Правда, выглядят его творения довольно неказисто и ползут по морю, как черепахи – со скоростью три с половиной узла. Но борта их защищены стальными брусками толщиной четыре с половиной дюйма. И вооружены они восемнадцатью орудиями в семь с половиной дюймов. В нашей истории три такие «черепахи» расстреляли батареи крепости Кинбурн. И хотя наши артиллеристы добились почти двух сотен попаданий во французские корабли, броня их так и не была пробита.

– Да-с, господа, – тяжело вздохнув, произнес адмирал Нахимов, – с такими бронированными батареями ни один наш корабль не справится. Похоже, что век парусного флота действительно подходит к концу. А как вы собираетесь бороться с этими стальными «черепахами», Дмитрий Николаевич? Вы научились находить управу на броненосные корабли противника?

– Для того, чтобы окончательно переломить ход боевых действий на Черном море в нашу пользу, я предлагаю перебросить туда с Балтики два корабля. Первый – сторожевой корабль «Выборг» с трехдюймовым орудием, способным

стрелять с удивительной точностью до шести миль и своим снарядом пробивать броню французских «черепашек». Второй – десантный корабль «Мордовия», который может двигаться по морю до 60 узлов.

Тут адмиралы, не сговариваясь, переглянулись, и удивленно покачали головами.

– Да-да, господа, вы не ослышались – до 60 узлов. К тому же корабль может двигаться не только по морю, но и по суше, правда, не так резво. Он неплохо вооружен и может нести в своем чреве до пятисот человек десанта.

Услышав от меня все это, адмиралы и генерал Хрулёв возбужденно стали обсуждать фантастические по здешним временам тактико-технические характеристики «Мордовии». Я же тем временем развернул на столе большую карту Черного моря и приготовился продолжить свой доклад.

– Значит, ваш быстроходный десантный корабль может высадить сразу две пехотные роты? – спросил генерал Хрулёв. – Но этого же очень мало для того, чтобы дать генеральную баталию противнику. Пехоту почти сразу же сомнут, прижмут к берегу и уничтожат.

– Если это будут обычные две роты пехоты, – ответил я, – то, скорее всего, именно так все и произойдет. Но при Бомарзунде наши морские пехотинцы сумели разгромить двенадцатитысячный неприятельский корпус, высадившись с «Мордовии». Конечно, нам помог и гарнизон крепости, совершивший вылазку и ударивший в тыл врага. Так и на Чер-

ном море мы рассчитываем на помощь ваших войск, Степан Александрович. На паровых кораблях флота и на реквизи- рованных частных пароходах к месту высадки авангарда по- дойдут подкрепления, и десант, поначалу добившийся так- тического успеха, превратит его в стратегический прорыв в тыл противника. Вот, посмотрите на карту.

И я продемонстрировал присутствующим суть нашего плана. Моряки, похоже, не сразу поняли, в чем там фишка, но генерал Хрулёв быстро просчитал в уме возможные вари- анты дальнейшего развития боевых действий и одобритель- но крикнул.

– А что, очень даже неплохо придумано! – воскликнул он. – Мы выходим на равнину, и, оставив заслоны против турецких крепостей, прямым ходом движемся на Адриано- поль. Если же нам и флот еще поможет, то мы выйдем к Босфору, заблокируем Проливы и окажемся прямо под ок- нами султанского дворца. Скажите, Дмитрий Николаевич, а государь одобрил ваш смелый план? Если нет, то я буду при встрече с ним отстаивать его.

Я успокоил присутствующих, сообщив им, что с замыслом будущей операции император согласился, и именно потому их и вызвали в Петербург.

– Господа, – сказал я, – давайте отобедаем, после чего я покажу вам корабли моей эскадры. Думаю, что вы хотели бы познакомиться с ними поближе.

Все дружно согласились с моим предложением.

17 октября 1854 года.

Франция. Замок Компъень, к северу от Парижа

*Майер Альфонс Джеймс де Ротшильд, сын банкира
Джеймса (Якоба) Майера де Ротшильда*

– Да здравствует император! – приветствовал я вышедшего мне навстречу французского монарха.

– Здравствуйте, Альфонс, – кивнул мне Наполеон. – Рад вас видеть. Как здоровье моего друга Якоба?

– Сир, отец чувствует себя хорошо, вот разве что его подагра дает о себе знать. Он прислал вам в подарок вот это – и я передал Наполеону прекрасной работы деревянный ящик. Император заглянул внутрь и достал одну из находившихся там бутылок.

– О-ля-ля! «Шато Лафит» сорок шестого года! – воскликнул он. – Лучший год для Бордо за последние сто лет, лучшие виноградники во всей Франции! Вы не представляете – даже мне не удалось найти хотя бы одну бутылку этого божественного напитка, хотя я и император. Это действительно подарок, достойный монарха!

– Сир, удачно ли прошла ваша охота? – поинтересовался я.

– Да в общем-то неплохо. Шесть фазанов, два оленя, один кабан. Альфонс, жаль, что вы не любите охотиться.

– Для большинства ваших гостей, сир, я – в первую очередь еврей и ростовщик, и лишь во вторую – барон. Мне это

неоднократно давали понять. Так что лучше уж мне не мозолить им глаза.

– Увы, Альфонс... – император был немного сконфужен. – Благодарю вас за то, что вы так быстро откликнулись на мою просьбу и навестили меня. Надеюсь, что Якоб наделил вас всеми полномочиями. Ведь если бы приехал он, то весь мир бы задался вопросом, зачем мы с ним встречаемся.

– Да, сир, именно так; ведь мой приезд вряд ли кого-либо заинтересует. Все считают, что я слишком молод, чтобы иметь хоть какой-либо вес в мире финансов. Но как вы и просили, я уполномочен решать любые вопросы.

– Итак, вашему отцу, вероятно, известно о наших поражениях при Бомарзунде и в Крыму? – поинтересовался Наполеон.

– Именно так, сир, – я постарался изобразить печаль на лице.

– И как он представляет себе дальнейшее развитие событий? – спросил император.

– Отец поручил мне сообщить, вам, сир, что он, конечно, опечален всем произошедшим. Тем не менее он считает, что мы проиграли битву, но не войну. Он готов профинансировать постройку новых боевых кораблей, в том числе паровых бронированных плавучих батарей, а также подготовку и вооружение новых полков. Более того, мой кузен Натаниэль передал, что он тоже выделит дополнительные средства для нужд английских армии и флота. Мы не можем допустить

усиления русских, которые...

– Которые, как новоявленные фараоны, угнетают и обижают бедных евреев – это вы хотели сказать, – усмехнулся Наполеон. – А кроме того, они отказываются брать деньги у ваших банков, что, с вашей точки зрения, совсем уж непростительно.

– Сир, как вы можете так говорить?! – я попытался изобразить оскорбленную невинность.

– Многие французы требуют прекращения войны, Альфонс, – вздохнул император. – Даже в нашей прессе нет-нет, да и проскальзывает мнение, что, дескать, Россия не претендует на французские земли, а поражение турецкого султана, который то и дело беспощадно истребляет христиан, в интересах всего цивилизованного мира.

– Мой император, – попытался возразить я, – но ведь как раз к евреям турки относятся весьма лояльно! Да и к христианам, если они не устраивают мятежи...

– Успокойтесь, Альфонс, – Наполеон махнул рукой, – это говорю не я, это говорит пресса.

– Отец поручил вам также передать, сир, – продолжил я, – что он был бы весьма опечален преждевременным миром с Россией – нашим заклятым врагом.

– Не беспокойтесь, Альфонс, – император подошел ко мне и воинственно встопорщил свои усы, – я и не собирался ни просить царя Николая о мире, ни принимать какие-либо предложения перемирия от этого азиатского варвара. Так и

передайте Якову.

– Хорошо, сир, я передам ваши слова отцу.

– А насчет условий финансирования... – Наполеон вопросительно посмотрел на меня.

– Насчет необходимых сумм, – я тяжело вздохнул, пытаюсь изобразить на лице всю вековую скорбь еврейского народа, – пусть нам составят детальный список. Насчет же процентов – мы готовы согласиться на те же условия, что и раньше. Хотя это нам и будет достаточно тяжелым бременем...

5 (17) октября 1854 года.

Российская империя. Кронштадт. Большой рейд

Контр-адмирал Дмитрий Николаевич Кольцов

После обеда я вместе с адмиралами и генералом Хрулёвым перешел на катер и совершил обход всех наших кораблей, стоявших на якорях рядом с круглым фортом «Александр I». В наше время его называли еще «Чумным», так как в конце XIX – начале XX века в нем располагалось учреждение с длинным и немного пугающим названием: «Особая комиссия для предупреждения занесения чумной заразы и борьбы с нею в случае ее появления в России» (КОМОЧУМ).

Мины, которые были выставлены рядом с фортом, уже вытралили и частично уничтожили. Наш катер начал обход с ПСКР «Выборг». Он в данный момент готовился к переходу по внутренним водным коммуникациям на юг, и на нем царил суета. Моряки сгружали на стоявшую рядом с «Выбор-

гом» большую баржу все тяжелые предметы, которые не понадобятся кораблю во время перехода по каналам и рекам. Необходимо было его максимально облегчить, чтобы он не чиркал дном по мелям и камням, рискуя повредить винты и обтекатель ГАС.

Внешне «Выборг» не произвел особого впечатления на Нахимова и Корнилова. Размеры его были довольно скромными – всего пятьдесят метров, – он был даже меньше пароходофрегата «Владимир», на котором любил выходить в море адмирал Корнилов. К тому же вооружение его показалось адмиралам недостаточно серьезным – всего-то одна башня с орудием калибра 76 миллиметров. Не вызвала у них восторг и маленькая башенка шестиствольной установки АК-630. Правда, когда я им сообщил, что эта «пукалка», как уничижительно назвал ее Нахимов, может вести огонь со скорострельностью четыре тысячи выстрелов в минуту, адмиралы и генерал «зависли» на минуту. И потом с уважением поглядывали на шестистволку, пытаясь понять, как можно стрелять так быстро из такой маленькой пушечки, которую зачем-то запихнули в похожую на грибок башенку.

Потом мы посетили «Мордовию». Вот тут эмоции поперли через край. Для начала Нахимов сравнил МДК с котлетой, позади которой зачем-то поставили три мельницы. Действительно, корабль на воздушной подушке немного смахивает на котлету. И лопасти трех маршевых двигателей, если напрячь фантазию, похожи на крылья ветряной мельницы.

Забравшись на палубу корабля, мы бочком-бочком нырнули в дверь на борту корабля и отправились осматривать внутренние помещения. Капитан 2-го ранга Николай Иванович Сергеев, предупрежденный мною о визите героев обороны Севастополя, находился в ходовой рубке. На МДК тоже был аврал – его готовили к дальнему походу, когда кораблю придется двигаться не только по воде, но и посуху. Все лишнее сгружали на баржу, а корпус МДК максимально облегчали.

Топливо для двигателей, которые были весьма прожорливыми, везли на двух деревянных баржах, в мягких и эластичных резервуарах для горючего. Их обнаружили на контейнеровозе «Надежда» во время генеральной ревизии его грузов.

Мы вышли на крыло мостика МДК, где Нахимов и Корнилов с удивлением разглядывали палубу «Мордовии» и его «юбку», с помощью которой корабль мог парить над морскими волнами и даже над сушей. А генерал Хрулёв заочно разглядывал поднятые над палубой 22-ствольные установки залпового огня «Огонь». Когда ему рассказали, что одним залпом этих потомков конгревовских ракет был начисто уничтожен лагерь французского десантного корпуса под Бомарзундом, он охнул и попросил разрешения подойти к установкам поближе, чтобы хорошенько рассмотреть их.

А адмиралов больше всего удивила возможность «Мордовии» с огромной скоростью двигаться по мелководью, выкатываться на берег и высаживать там десант, который, бук-

важно не замочив ног, сразу может пойти в бой.

– Дмитрий Николаевич, – недоверчиво переспросил Корнилов, – это правда, что сей чудо-корабль может лететь над водой и даже выбираться на сушу?

– Именно так, Владимир Алексеевич, – ответил я. – Вот и Николай Иванович это подтвердит. – И я указал на командира «Мордовии», который молча слушал наш разговор.

Похоже, что он был впечатлен сегодня не меньше своих гостей, потому что увидел вживую тех, о ком читал в учебниках по военно-морской истории во время учебы во «Фрунзенке»²¹, и чьи фамилии были выбиты на мраморных досках, висевших на стенах его училища.

А сторожевой корабль, или, как принято с некоторых пор стало называть корабли этого класса, корвет «Бойкий», я оставил для адмиралов на десерт. Пусть они оценят боевые возможности этого корабля и выслушают мое предложение по использованию его уникальных боевых возможностей. Есть у меня один план, правда, довольно рискованный. Но в случае осуществления он давал нам огромный шанс победоносно закончить войну. Я вчерне обсудил его с императором, но он, малоопытный в морских делах, честно сказал мне об этом и посоветовал обсудить мое предложение с людьми более сведущими – Нахимовым и Корниловым. Ведь

²¹ «Фрунзенкой» называли Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе в Ленинграде. Ныне это Санкт-Петербургский военно-морской институт – Морской корпус Петра Великого.

в случае успеха мы поставим на уши надменную «владычицу морей» Британию...

5 (17) октября 1854 года.

Петербург, Елагиноостровский госпиталь

Джеймс Арчибальд Худ Катберт

Я с любовью и нежностью смотрел на сидящую напротив меня Евгению Кречетникову. Каштановые волосы, зеленые глаза, матовая кожа... И даже мешковатое черное платье сестры милосердия Крестовоздвиженской общины неспособно скрыть ее красоту.

Познакомился я с ней в середине сентября, когда ее и других сестер второго набора общины по просьбе великой княгини Елены Павловны послали на трехнедельный курс по обучению основам ухода за больными. На тот момент больных в госпитале хватало, а вот раненых было всего двое – Альфред Черчилль и ваш покорный слуга, плюс из смежных областей еще две девушки с аппендицитом. Альфреда, понятно, никто и не спрашивал, а вот ко мне подкатила моя дражайшая сестричка с просьбой послужить наглядным пособием. Я подумал и согласился – все же потом сестрам милосердия придется заботиться именно о мужчинах, а не о девушках.

Не буду скрывать – это было довольно приятно: многие девушки оказались весьма и весьма привлекательными, симпатичнее даже наших южанок. А потом я увидел бездонные

глаза Евгении и понял, что из них мне не выплыть... К счастью, и ей я тоже вроде показался. Потом она то и дело оставалась у меня чуть подольше, и я вдруг осознал, что это тот человек, с которым я хочу связать всю свою жизнь. До сегодняшнего дня я ни разу не обмолвился ей о своих чувствах. Но дня три назад я попросил одного из врачей купить золотое колечко. И сегодня я собирался вручить его ей, предложив руку и сердце.

Конечно, у меня в палате мы никогда не уединялись, но при больнице было небольшое помещение, именуемое почему-то «кафе», прямо как кофе по-французски. И когда я попросил ее после осмотра посидеть там со мной, отпраздновать то, что только что, с ее участием, с моей ноги, наконец, сняли гипс, она неожиданно согласилась. Но не успел я достать коробочку с колечком из кармана, как вдруг открылась дверь, и я увидел Мейбел.

Мы с сестрой с детства были не разлей вода. Даже в то время, когда я учился далеко от дома, в колледже Нью-Джерси, мы проводили все мои каникулы вместе. Уже тогда я замечал, что сестра намного способнее меня. Но увы, для девушек у нас нет ни единого университета, есть лишь несколько «женских академий» в Новой Англии и курсы во многих городах.

Именно на таких курсах она и училась в Саванне, но ей там было ужасно скучно. Зато когда я приезжал домой на рождественские каникулы и привозил с собой учебники по

предметам, по которым я «плавал», Мейбел, чуть пролистав учебник, объясняла мне все так, что оценки у меня были одними из лучших в моем году выпуска.

Да и сейчас Мейбел, по отзывам наших общих знакомых, таких как доктор Синицына, подает большие надежды – она ей прочитать статью светилу либо в медицине, либо в других естественных науках. И когда она решила уехать на фронт с Крестовоздвиженской общиной, все, от ректора университета и до меня, пытались отговорить ее от этого неожиданно-го шага. Но она только попросила меня продолжить на время ее отсутствия преподавание английского языка. Я тут же сказал ректору, профессору Владимиру Слонскому, что смогу преподавать еще и латынь, и греческий – от последнего профессор отказался, сказав, что его еще нет в программе, а вот латынь ему пригодится. А на вопрос, смогу ли я передвигаться, я ответил, что завтра – то бишь уже сегодня – с меня снимут гипс, и передвигаться, пусть и на костылях, я как-нибудь смогу. На том и порешили.

Мы с Мейбел здесь, в Петербурге, стали еще ближе друг другу, ведь других знакомых из англоязычного мира у нас не осталось. Ник, ее жених и мой друг, уехал на Южный фронт, а эта скотина Альфред, после того как Мейбел объявила ему, что собирается замуж за Ника, а ему дала от ворот поворот, страшно разозлился и возненавидел не только русских (коих, если сказать честно, он не любил и до того), но и всех «янки». Хотя какие мы, южане, «янки»...

Пару дней назад, перед его отбытием в Копенгаген и далее в Лондон, когда мы с Мейбел зашли к нему попрощаться, то вместо положенных в таком случае наилучших пожеланий и сожалений по поводу разлуки, получили в ответ порцию оскорблений. Он даже отказался взять с собой наши письма для родителей и для дяди Джона. Ну что ж, семь футов под килем. Хорошо все-таки, что Мейбел не выйдет замуж за этого «джентльмена», больше похожего на надутую индюку.

Да, мы с Мейбел всегда были близки. Но вот сейчас она могла бы подождать чуток – все-таки хоть в кафе мы с Евгенией не единственные, но другие нам не мешают. Я обернулся недовольно, а Мейбел выглянула в коридор и кому-то крикнула:

– Да, он здесь!

Тут в кафе вошли... мои мама и папа. Мама, как будто я еще маленький, при всех обняла меня, а папа лишь пожал мне руку – ну хоть на этом спасибо. Евгения вдруг испарилась, да так, что я и не заметил. Коробочка в моем кармане так и осталась не врученной... Но радость при виде родителей затмила и эту проблему – ничего, мы еще успеем с ней объясниться.

Потом я услышал про их долгий путь из Саванны в Петербург; про то, что они приехали нас с Мейбел выкупить, а выкупа, как выяснилось, не понадобится; про то, что они остановились в гостинице «Лондон», что рядом с Дворцовой площадью, и что им там очень нравится. Ну и вопросы

последовали – мол, что за девушка была с тобой, когда мы пришли? Я с чистой совестью ответил, что она – всего лишь сестра милосердия, которая за мною ухаживает, но мама так посмотрела на меня, что я понял – она ничуть мне не поверила. Мейбел вдруг сказала, что она, оказывается, еще и графиня, и у меня вдруг сердце ушло в пятки – зачем графине такой, как я?

Меня отругали за то, что я им не писал. Мы с сестрой отправили письма и в Саванну, и родителям кузена Алджи, которые должны были переслать через Копенгаген тогда же, когда и письмо Альфреда. Но то письмо почему-то дошло, а наши – нет...

А далее последовали вопросы про Ника, с которым они успели познакомиться и который помог им устроиться в гостиницу, а также пригласил их на ужин в ресторан «Париж», расположенный неподалеку от их гостиницы. Впрочем, маме понравился тот факт, что он учился там же, где и я (я не стал им говорить, что было это полутора столетиями позже). А вот папа, как я и ожидал, отнесся к потенциальному зятю более чем критически, когда услышал, что «этот янки», как он выразился, «щелкопер». Но узнав, что я уже дал согласие на помолвку, он скривился, но ничего не сказал.

Я с удивлением посмотрел на сестру. Когда я с ним познакомился, ее жених был вполне штатским увальнем. Моя сестра присовокупила, что он сейчас находится у своего шефа по журналистской линии, Юрия Черникова, после чего

собирается зайти ко мне. Эх, поскорее бы мне выздороветь; не хочу я в Саванну, по крайней мере пока. И если Ник может служить у русских, то почему бы и мне этим не заняться? Глядишь, и Евгения – простите, графиня Кречетникова – мною тогда заинтересуется, пусть я и не титулованный дворянин...

6 (18) октября 1854 года. Одесса

Мария Александровна Широкина, журналист

Мы сошли с парохода последними. Перед нами открылся великолепный вид – Потемкинская лестница, а где-то там, сверху, крохотная фигурка Дюка Ришелье – бывшего одесского градоначальника и прапраправнучатого племянника кардинала Ришелье. А перед лестницей, в конце пирса, стоял немолодой человек в мундире жандармского вахмистра.

– Похоже, это по нашу душу, – усмехнулся Костя Самохвалов. – Ведь никого больше нет. Ну что ж, пойдем представимся.

Вахмистр отдал честь Косте и сказал немного неуверенно:

– Ваши благородия, вахмистр Самойленко...

Тут он выпучил глаза, глядя на меня, одетую в легкомысленное для середины XIX века летнее платье:

– Барышня... А вы... тоже с его благородием?

Костя ответил ему:

– Любезный, перед тобой штабс-капитан Самохвалов и госпожа Широкина. Я так полагаю, что ты должен нас встре-

тить?

– Мне было поручено встретить офицера Гвардейского Флотского экипажа...

– Ну, я и есть этот офицер, – усмехнулся Константин. – А дама – репортер. Она вместе со мной. Ну что ж, води нас.

Вахмистр чуть усмехнулся – мол, не маленькие, знаем, почему господин офицер с дамой – и показал на открытый экипаж, стоявший у пирса. Я еще раз посмотрела на лестницу, которая, как мне показалось, уходила прямо в небо, и неожиданно для себя сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.